

Лина
КОВАЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БЫВШИЙ 2

Роди мне сына

18+

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Лина Коваль
БЫВШИЙ 2. Роди мне сына
Серия «Работа над ошибками», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70371718

SelfPub; 2024

Аннотация

– Ты родишь мне сына, – цедит Адриан. – Макриса. Моего наследника. – Зачем тебе сын? – выплевываю с обидой. – У тебя есть дочери. Младшей по виду чуть больше года. Зеленые глаза чернеют, пугают. Отворачиваюсь, чтобы предатель не увидел моих слёз. Если бы не третий месяц беременности, ни за что бы не показала ему своей слабости. – Откуда ты знаешь? – спрашивает он. – Видела вас. – Моя семья тебя не касается, Вера. Вздрагиваю, словно от пощечины. Боль прорывается сквозь плотину из гордости и отрешенности. – Родишь мне сына... А дальше я посмотрю, что с тобой делать. Предыстория: «Бывший. Игра на поражение». Можно читать отдельно. ХЭ18 +, нецензурная брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	58
Глава 13	66
Глава 14	73
Глава 15	81
Глава 16	86
Глава 17	96
Глава 18	104
Глава 19	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Лиана Коваль

БЫВШИЙ 2. Роди мне сына

Глава 1

– Только пискни, сука, – раздается хриплый голос за спиной.

Пока тело острой иглой прошивает животный ужас, чья-то холодная ладонь накрывает мои горячие губы, а обнаженные плечи оказываются в жестком замке. Так, что совершенно точно не пошевелиться и не выбраться.

Теряюсь лишь на долю секунды, пока осязание с обонянием не идентифицируют человека, который каким-то образом проник в мою квартиру незаконно.

Всхлипываю беззвучно.

Разрушаюсь.

Дышу.

Уставший от переживаний мозг стройным роем миллионы мыслей на волю отпускает. Они сгорают и тлеют в воздухе. Как и я, разрушаются, пеплом оседают на пол.

Два месяца мучений, агонии, чувства вины. Два месяца моего персонального ада и страданий. Два месяца тотального одиночества.

Всё остаётся в прошлом. Никогда больше не повторится.

Никогда!

Он! Жив!

Адриан Макрис жив!

Судя по обращению, люто ненавидит меня. Не переваривает. Хочет убить.

Я к этому всему готова больше, чем к выпуску местных новостей с сюжетом о том, что тело грека отыскиали в каком-нибудь заброшенном карьере.

– Не вой, – приказывает он грубо. – Ты хорошая актриса, Вера. "Оскары" у меня закончились.

Снова эта предательская дрожь внутри от низкого тембра и близости твердого тела.

Прикрываю глаза.

Боже. Спасибо. Спасибо!

Рыдания вырываются из груди против моей воли. Как это остановить – не в курсе. Я плохая актриса, но Адриан ни за что не поверит.

Никогда не поверит и никогда не простит.

– Заткнись я сказал, – холодно цедит сквозь зубы мне на ухо. – Будешь выть, я тебя вырублю.

Ещё вчера меня ничего не радовало. Ни телестудия, ни журналистика. Даже вырванный зубами собственный проект под названием «Итоги дня с Верой Стояновой» прочно занявший место в прайм-тайме телевизионной сетки не зажигал во мне прежнего огня.

Когда-то у меня была мечта, за которой я слепо следовала

более семи лет. Была профессия, о которой многие мечтают, здоровые родители, веселые друзья, беззаботная жизнь...

Всё оборвалось в один миг из-за единственной ошибки. Ошибки ценой в человеческие жизни. Вдрагиваю. Вернее, в одну человеческую жизнь. Адриан жив. Снова плачу. Говорят, слёзы очищают душу, но остаткам моей уже ничего не поможет.

– Блядь, – вздыхает Макрис, жестоко сжимая ладонь на челюсти.

Вскрикиваю от резкой боли.

– Сказал заткнись. Хорош меня оплакивать. Тебе все равно от грехов не отмыться.

Вдруг тоже злюсь. Первую волну счастья от встречи с ним, с живым, уносит в море и упрямый характер восстаёт.

От грехов не отмыться? А он что?.. Святой?..

Ухватываюсь зубами за пальцы и что есть силы кусаю.

– Сука.

Его рука перемещается мне на талию.

– Что тебе надо, Адриан? – выдыхаю, глядя в потолок.

– Пришел послушать, как ты меня предавала, – надменно выговаривает.

– Не было такого.

– Врешь!

– Не было такого. Я ничего не делала специально. Клянусь, что не виновата, – реву навзрыд, хотя врач категорически запретила волноваться. – Это была игра на пораже-

ние против тебя. Против тебя Адриан. Ты сам вернулся сюда со своими дурацкими евро, решил заняться золотодобычей, сам настроил против себя полгорода отморозков. Ты во всем виноват. Ты. Не я.

– Закрой рот, блядь. Иначе я тебя сейчас придушу.

– Души, – срываюсь в истерику. – Бей. Пинай. Убей меня.

Я жить не хочу. Больше не хочу. Я устала.

– Перестань, – осекает.

– Уходи. Уходи, Адриан.

Он молчит. Безразлично и жестоко.

– Нас больше ничего не связывает, – горько проговариваю. – Ничего не связывает.

Тяжелая ладонь, фиксирующая моё тело под грудью, вдруг опускается всего на десять сантиметров. Накрывает плоский живот.

Тепло внутри становится концентрированнее, горячее. Парит и закипает.

Замираю.

– Ничего не связывает? – повторяет Адриан, растопыривая пальцы. Увеличивает площадь влияния на скользком шёлке вечернего платья, словно захватывает маленький росточек, растущий там, внутри. – А Вера? Ничего?..

Нет. Нет. Нет.

Ноги становятся ватными, а тело медленно оседает...

Откуда, черт возьми, он узнал?..

Глава 2

Сознание плавает.

Сквозь пелену рассматриваю гостей на приеме греческой диаспоры в загородном отеле, на котором видела Адриана в последний раз. Изысканные блюда, белоснежные скатерти, снующие между столами официанты. А потом чернота... Ничего не помню...

Всё это время я пыталась понять, стоило ли мне там появляться?..

Если бы только его послушалась, ничего бы не случилось. Мысленно бью себя по голове. Дальше бы оставалась в неведении, любила этого невозможного обманщика.

А если бы пошла и не отреагировала на увиденную картину так болезненно. Не приняла бы так близко к сердцу предательство Макриса?

Любовь – чувство, которое, отравляя кровь, заставляет нас слепо доверять, совершать немислимые поступки и каждый раз страдать.

Страдать. Отчаянно и глупо.

Словно ледяной волной окатывает. Становится вдруг холодно и... мокро. Зато в реальность возвращаюсь молниеносно. Открываю глаза.

– Очнулась? – спрашивает Адриан с кувшином в руках.

Окидывает меня взглядом. Таким же ледяным, как вода,

которой он меня облил.

– Ты в своём уме? – взвизгиваю.

Вскочив с дивана, скидываю платье, забыв о том, что здесь не одна.

Будущее материнство словно наделяет меня новыми качествами. Главное из них – забота о собственном комфорте. Моему малышу чуть больше одиннадцати недель. Я не могу позволить себе переохладиться и подвергать его опасности.

Пока дрожа и негодуя, добираюсь до шкафа в прихожей, украдкой смотрю на Адриана, по-хозяйски усевшегося в кресло. Безразличие на мрачном лице больно ранит. Он мог быть на меня зол. Мог ненавидеть. Но на моё тело реагировал всегда.

Что бы ни случилось меня хотел...

Сейчас огонёк в его глазах загорается, только когда внимательный взгляд достигает моей талии.

Быстро натягиваю белый махровый халат и потуже завязываю пояс.

Я тебя буду защищать, мой малыш! Мамочка всегда будет рядом.

В груди от этих мыслей необычно тянет, будто тонкие струны робко натягиваются первые материнские чувства.

Я честно отпустила ситуацию с материнством ещё давно.

Не ждала и не надеялась.

– Кому ты рассказывала про то, где будет проходить сделка? – спрашивает Адриан, складывая руки на груди.

Быстро исследую массивное тело. Широкие плечи, упакованные в черную рубашку, узкие бедра, длинные ноги. Серые брюки идеально отглажены, туфли начищены, кожаная куртка аккуратно размещена на спинке кресла.

Он... такой настоящий и неведимый, слава богу. Как Макрис смог не пострадать при взрыве?.. Я ведь видела, что осталось от здания.

Несколько ночей провела возле него, рыдая в машине.

– Никому не рассказывала, – отвисаю. – Почему вообще ты решил, что дело во мне.

– Вряд ли старик Умаров стал бы трепаться, – морщится.

– Твой несостоявшийся партнер мог опрометчиво выбрать себе сотрудников. Охрана, водитель, юристы – кто-то из них проговорился о том, где состоится оформление сделки по покупке тобой «Артели старателей».

– Могли, – соглашается Адриан. – Но проговорила ты.

Черт.

– Я устала, – кутаюсь в ворот халата. – Хочу принять горячий душ. Ты ненормальный. Я могу заболеть.

И потерять своего ребенка, – договариваю про себя.

– Такие как ты, Вера, алчные и идущие по головам суки, не жалеющие ничьи жизни, не болеют. Не переживай.

Внутренности кипятком ошпаривает. Присутствие Адриана как кондиционер действует. То жарко, то холодно. У меня нет столько силы, как у него. Равнодушной быть не умею.

Только не с ним.

– Поговорим о твоей беременности.

– Беременности?..

– Ты родишь мне сына, – цедит Адриан, поднимаясь с кресла. – Макриса. Моего наследника.

– Зачем тебе сын? – выплевываю с обидой. – У тебя есть дочери. Младшей на вид чуть больше года.

Зеленые глаза чернеют, пугают.

Отворачиваюсь, чтобы предатель не заметил моих слёз. Если бы не третий месяц беременности, ни за что бы не показала ему своей слабости.

– Откуда ты знаешь? – его голос тонет в водовороте моих эмоций.

Он не отпирается.

Это действительно правда.

– Видела вас, – пожимаю плечами.

– Моя семья и дети тебя не касаются, Вера.

Вздрагиваю, словно от пощечины. Боль прорывается сквозь плотину из гордости и отрешенности.

– Родишь мне сына... А дальше я посмотрю, что с тобой делать.

Разворачиваюсь, резко превращаясь в разъяренную тигрицу.

– Что значит ты согласишься, черт возьми?..

Глава 3

– Что это значит? – повторяю глухо.

Внутренности страх опоясывает, ноги подкашиваются. Инстинктивное желание защитить своего ребенка превращает меня в душевнобольную. Раньше мне казалось, что я отлично знаю мужчину, сидящего напротив. А сейчас?

Он чужой.

Поверить не могу, что ещё два месяца назад мы обнаженные лежали вместе у камина и... откровенничали, шутили. Смеялись. Его крепкое тело, красивые глаза, сильные руки, он сам весь...

Мой Адриан. Всё в нём такое родное и одновременно с этим далёкое, что в глубине души огненной лавой разочарование растекается.

Если бы только послушалась его, не пошла на тот приём. Не увидела его с ними. С ослепительной блондинкой и двумя девочками. Старшей явно больше пятнадцати, уже подросток. А младшая совсем кнопка.

Если бы только снова не сделала выбор в сторону карьеры. Всё могло быть по-другому. Да, была бы полной дурой. Его любовницей в непонятном статусе.

Падшей женщиной в каком-то смысле.

Но...

Разве есть цена человеческой жизни? Разве может быть

что-то хуже смерти и нескончаемого горя близких?

Адриан прав. Мне вовек не отмыться.

– Посмотрю на твоё поведение. Характер у тебя не сахар, Вера. Не уверен, что моему сыну нужен такой женский пример.

И снова этот арктический холод, сквозящий в воздухе.

Прикрываю глаза.

Он бьёт меня словами, как заострёнными кинжалами. Запугивает, пытается надломить, вырвать корень. Уверена, будь я мужиком, Адриан атаковал бы физически, но в силу воспитания с женщиной он так никогда не поступит.

Я ему отвратительна...

Я больше не «его Вера» и это осознание болезненнее всего на свете.

– Зачем ты так говоришь, Андрей? – взволнованно шепчу. – Зачем?..

– Успокойся, – произносит он равнодушно. – Мы обсудим дальнейшее взаимодействие после родов.

– После родов? – морщусь.

До сих пор не осознаю, что это всё мне предстоит. Вынашивание, роды, первое кормление.

Ещё вчера об этом думала и дух захватывало, а сегодня страх до костей пронизывает. Он... отберет у меня его?.. Моего малыша?..

Сколько таких случаев, когда отцы-иностранцы вывозили детей за пределы России и матери больше никогда не их не

видели?

– Я ещё не решила, оставлю ли его, – отворачиваюсь к окну. – Не уверена, что готова к... этому всему.

«Прости, мой маленький» – проговариваю про себя.
«Твой отец полный мудака, придется врать»

От прожигающего взгляда даже пятки плаваются.

– Ты его оставишь, – зловеще проговаривает Адриан.

– Почему ты так уверен?

– Потому что женщина, которая не собирается оставлять ребенка, не покупает витамины для беременных.

Твою мать!

– Ты... – вспыхиваю, разворачиваясь. – Рылся в моих вещах? Просто поверить не могу.

– Не визжи, у меня уши от тебя вянут – морщится Адриан, поглядывая на часы.

Переводит взгляд на меня и просверливает очередную дырку в моём лбу. Далее замечает, как я лихорадочно сжимаю воротник у халата.

Морщится, будто ему неприятно.

– Не дрожи, – устало вздыхает. – Я не собираюсь к тебе приставать или что-то подобное. Слава богу, в России есть ещё женщины. Не менее красивые, чем ты.

Вопреки здравому смыслу, начинаю сотрясаться ещё больше. Теперь от шока.

Долгими вечерами, оплакивая Адриана, я представляла его с женой. Красивой блондинкой, сопровождавшей его на

приеме. То, как она смотрела на Макриса, когда он держал на руках их младшую дочь, навсегда останется в моей памяти.

Она любит его. Любит своего мужа, отца своих детей.

А он в это время спит со мной.

Наверное, довольно закономерно, что как только наша связь прекратилась, Андрей нашел мне замену.

Никогда не считала себя первой красавицей. О моей исключительности и эксклюзивности говорил всегда лишь он...

– Поеду, правду от тебя всё равно не дождёшься, – произносит Макрис, поднимаясь.

Забирает куртку.

– Но мы ещё увидимся, Вера.

Предупреждает.

– Когда? – отвожу взгляд.

Мне надо подготовиться. Ещё одну такую встречу я... не переживу.

– Быстрее, чем ты думаешь, – произносит Адриан с угрозой и на сегодня покидает мою квартиру.

Глава 4

– Шурик жалуется, что ты отказалась с ним работать? – внимательно меня рассматривая, выговаривает Анатолий Аркадьевич Поп. Генеральный телепродюсер, именуемый в нашем зазеркалье – Батюшка.

Усаживаюсь в кожаное кресло напротив и равнодушно выправляю юбку, в которой десять минут назад работала в эфире.

– Отказалась.

Киваю безучастно.

– Подала заявку на нового оператора в кадры. Вроде как даже отыскиали какого-то парня лет двадцати пяти. Работал в "Останкино", переехал в город по семейным обстоятельствам.

Мой руководитель барабанит по столу пальцами и задумчиво потирает подбородок.

– Что не так, Вера? Шурик – отличный оператор.

– А как человек говно! – морщусь.

– Мне казалось, вы дружили?..

– Мне тоже. Оказалось – показалось, – широко улыбаюсь.

В последнее время вообще улыбка с моего лица не сходит. В кадре она просто необходима. А в остальное время служит для меня защитой. От жалости или злости – неважно.

– Не до шуток, Стоянова, – по-отечески мотает головой

Анатолий Аркадьич. – Наш Слава решил поиграться. Сказал, что теперь сам будет решать кого ставить в сетку. Вынес мне мозг, что мы запустили шоу Артемия, а следом твоё. Хотя ещё два месяца назад сам распорядился организовать его для тебя. Что за пиздец? Ты не знаешь с чем связано это мозгоёбство?

– Догадываюсь, – хрипло выговариваю и опускаю глаза.

Адриан...

Собственник «Медиа-Холдинга» Вячеслав Самирович Мухамадьяров является родственником Макриса. Нетрудно догадаться, кто вставляет палки в мои новенькие колёса?..

– Где ты наследила, Вера Стоянова? С греком поругалась? Как тебе удаётся делать всё настолько не вовремя?

– Я способная, – тяжело вздыхаю.

– Помиришь с ним, мне проблемы не нужны. Рекламодатели все сплошь и рядом хотят к тебе, Вера. Твоя беременность нам тем более на руку.

Вспыхиваю и прикладываю ладони к горящим щекам.

О своем положении я призналась сразу же всё подтвердилось.

Было бы глупо не рассказать. Я прекрасно понимаю, сколько стоят декорации и рекламные коллаборации. На удивление, Анатолий Аркадьич воспринял новость бодро. Настолько, что у моей беременности внезапно появились первые контракты с производителем одежды для беременных и медицинским центром, где мне было велено встать на

учет. Компетенция врача меня полностью устроила, поэтому я не стала возражать.

– Я подумаю, что можно сделать. Спасибо вам, Анатолий Аркадьич, – киваю, наконец-то выходя за дверь.

В коридоре, как обычно, суeta. Сложив руки на груди, медленно пробираюсь сквозь толпу из массовки.

Вчерашний разговор с Адрианом послужил тому, что полночи я не могла уснуть. Поднялось давление, а низ живота стал твердым. Слава богу, врач предупредил о том, что может быть повышенный тонус и заранее выписал свечи на этот случай.

Второе последствие – темные мешки под глазами, которые, как говорит Оксаночка с грима, даже из пульверизатора не закрасить.

– О, яйцо на ножках, – выговаривает Вознесенский.

Мой заклятый «друг» и коллега.

– Артемий, – морщусь. – Не надо меня так называть. Уймись. Твоё шоу просто было неинтересным, – пожимаю плечами. – Так бывает.

Веду себя как сука.

Но в нашем дружном змеином коллективе можно только так.

– Да... – тянет Вознесенский, поспевая за мной. – Задницу уже разъела, Стоянова. Скоро ни в один кадр не влезешь. Будем тебе чехлы для танков вместо одежды заказывать.

– Ты же влезаешь. А до твоей задницы мне ещё пару лет

темное пиво пиццей заедать.

Он зло усмехается, но не отстаёт.

Мило улыбаюсь девчонкам из бухгалтерии, которые, скорее всего, дружной гурьбой пошли на обед и хватаюсь за дверную ручку, намереваясь зайти в редакторскую.

– А как вообще, Стоянова, расскажи?

Вознесенский резко захлопывает дверь перед моим носом и дышит на меня перегаром. Разворачиваюсь.

– Как это вообще, быть чьей-то подстилкой?

– У меня тот же вопрос к тебе, – отбиваю, упираясь лопатками в дверь. – Ты же из кабинета Батюшки не вылазишь.

– Гадина, – ухмыляется Вознесенский и бьет кулаком в косяк рядом с моей головой. Становится страшно, но я продолжаю смотреть ему в глаза. – Какая ты гадина, шлюха греческая!

Принимаю эту оплеуху с ровным вздохом. Сжимаю кулаки так отчаянно, что ногти упираются в тонкую кожу.

– Это всё? – интересуюсь скучаяще.

– Нет.

– Что ещё?

– Скоро прикроют тебя, тварь. Главный под тебя копает. Приехали.

Смотрит на меня мерзко.

Терпеть его не могу.

– Ты веришь этим слухам? – смеюсь Вознесенскому в лицо.

– Конечно, верю. Не знаю уж, чем ты так насолила грекам, но, говорят, диаспора, особенно её женская часть, Веру Стоянову терпеть не может... В этом городе на телевидении тебе делать нечего!

Глава 5

– Вера, отсмотришь то, что получилось, чтобы завтра донять? – спрашивает Марсель, складывая в короб стойку от камеры.

Депутат городской думы, с которым мы только что общались, едва закончилась съемка, быстро смылся.

– Конечно, всё отсмотрю, – устало потираю плечи и разминаю затекшую шею. Хочется скорее снять деловой брючный костюм и расслабиться. Пусть даже с ноутбуком в кровати. Главное, лёжа.

Сто лет не выезжала на интервью. Жизнь в студии всё-таки расслабляет.

Официант убирает со стола чашки с чаем.

– Вам всё понравилось? – заискивающе спрашивает администратор.

Изучаю имя на бейдже и натягиваю дежурную телевизионную улыбку:

– Спасибо, Андрей. Нам всё понравилось, даже очень. В титрах обязательно укажем место съёмки.

– Вера Михайловна, предлагаем вам отужинать за счет заведения. Ваше появление – большая честь для нас.

– Ох, мне как-то неловко, – оправдываюсь.

Я устала. И жутко голодная... Раньше я бы спокойно поехала домой и не обратила внимания на то, что желудок тя-

нет. Но сейчас, надо думать за двоих.

– Пожалуйста, почувствуйте себя как дома, – говорит Андрей, кивая на столик официантам. Те тут же начинают стелить атласные салфетки и расставлять приборы.

– Марсель, – вздыхаю умиротворенно. – Поужинаешь со мной? За одним поболтаем, познакомимся.

Парень мило нахмуливает широкие, черные брови. Раздумывает над моим предложением, словно чувствует подвох. В целом, мне он нравится. Молчаливый, задумчивый. Одевается просто, но вещи брендовые.

– Перестань думать, пожалуйста. Всего лишь ужин. Заведение предлагает, а у меня свободный вечер.

«Опять врешь, Вьера. У тебя каждый въечер свободный», – басит внутренний голос. Почему-то с греческим акцентом.

Проклятый фокусник Макрис.

– Ты ведь не думаешь, что я так к тебе клинья подбиваю? – немного нервно смеюсь.

– Нет, – отвечает Марсель уверенно. – У меня-то просто как раз сегодня вечер занят. Но минут сорок есть.

Изучаю правильные черты лица и выющиеся черные волосы.

– С девушкой встречаешься?

– У меня нет девушки.

– Почему?

– Странный вопрос, – озадачивается Марс.

– Извини, – пожимаю плечами. – Всегда интересно, почему у симпатичных парней вроде тебя никого нет.

Мой новый оператор опять хмурится, словно разом становясь старше. Потирает подбородок и задумчиво на меня смотрит. Оценивает.

– Сколько тебе лет, Вера? – спрашивает, благодарно кивая официанту, который приносит меню.

Умиротворенно вздыхаю и откидываюсь на спинку кресла.

Я сто лет вот так не сидела в ресторане, с мужчиной. Пусть и коллегой. Эти два месяца радоваться просто физически не могла. Всё время казалось, что это не честно по отношению к Адриану и Умарову.

Горько усмехаюсь и инстинктивно накрываю живот ладонью. Внутри становится тепло и приятно.

Мой мальчик.

– Я думаю чуть больше двадцати пяти, – продолжает Марсель, так как ответа так и не дожидается.

– Двадцать восемь, Марсель.

– Мне двадцать шесть.

– Я знаю.

Он хмыкает.

– Тогда почему разговариваешь со мной, будто тебе под сорок, Вера?

– Хмм... Тебе показалось.

– Нет, – усмехается он. – Я третий день от этого в шоке.

Как с мамой разговариваю или с сестрой старшей.

Задумываюсь, прикусив нижнюю губу. Возможно, длительное общение с Адрианом сделало меня такой... взрослой, что ли. Мне ведь всего двадцать восемь. Я молодая женщина. Вот только мой гинеколог так не считает, с обидой вспоминаю.

– Для первых родов поздновато, Вера, – сказал мне Артур Ашотович.

– Простите меня грешную, я вообще как-то не собиралась, – ответила я почему-то виновато.

Сейчас же вспоминаю этот диалог с улыбкой.

С удовольствием приступаю к еде.

Прямолинейность и открытость мужчины напротив подкупает, поэтому я перестаю защищаться и около часа мы болтаем на отвлеченные темы. Марсель рассказывает с кем успел поработать в Москве, причину переезда всячески обходит стороной, да и я не настаиваю.

У каждого из нас есть камни за пазухой, которые мы не готовы показывать первым встречным. Это нормально.

Попушивав, выбираемся в холл. Долго стоим у гардероба, ожидая сотрудника.

– Тебя отвезти куда-нибудь? – спрашивает Марсель, подавая шубу.

– Если тебе будет удобно, – пожимаю плечами и поправляю прическу, глядя в большое зеркало на стене. – Моя машина у телецентра, не хочется, если честно, за ней...

Через открытую дверь с улицы вторгается порыв ветра, и я вздрагиваю всем телом. Поспешно отвожу взгляд, когда замечаю знакомую высокую фигуру и стройную женщину со светлыми волосами.

– Адриан Константинович, Эрика Георгиевна, добрый вечер, – слышу голос администратора Андрея. – Рады видеть вас снова.

Пытаюсь совладать с эмоциями и, кажется, получается, потому, что ни один нерв на лице не выдает моё смятение. Пальцы пытаются застегнуть крючки, но сделать это нереально, потому всё волнение концентрируется в руках.

– Вера, пойдём? – громко интересуется Марсель за спиной.

– Да, – хватаю сумочку со столика у стены и разворачиваюсь.

Сталкиваюсь взглядом сначала с пустыми глазами Адриана, а затем с ироничными – его спутницы. Так получается, что мужской взгляд обдаёт холодом, а женский презрением.

Низ живота каменеет.

День прошел. Ни одной положительной эмоции...

Пожалуй, я привыкла.

Снова смотрю на Макриса. Сердце больно отдаёт в ребра...

«Я привыкла!» – выплевываю мысленно ему в лицо. – «Можешь все то угодно делать. Я как пластичная глина ко всему привыкну. Привыкну...»

Совершаю размытый кивок, подхватываю Марселя под руку и гордо покидаю ресторан...

Глава 6

Не то, чтобы я ждала Его звонка...

Нет.

Просто поведение Адриана настолько необычно, что я плачу в подушку полночи, предварительно воспользовавшись свечами. Живот уже привычно тянет.

Допустить, чтобы мой бывший так просто... так безразлично отреагировал на ужин с чужим мужчиной, ещё два месяца назад было просто невозможно. Кто угодно, только не Макрис.

Сейчас ему действительно всё равно.

Как женщина я для него умерла... Умерла...

Это колючее осознание наверняка стало бы смертельным, если б под грудью не билось крохотное сердце. Жизнь словно не согласна давать мне всё и сразу.

Либо карьера, либо родители.

Либо любовь всей жизни, либо ребенок, о котором я и мечтать не могла.

Подъезжая к телестудии на такси, бодрюсь. Работа всегда была для меня отдушиной, особым смыслом. Когда загорается красная кнопка на камере, я оживаю. Снова живу. Становлюсь собой. Глупо было предполагать, что я без этого смогу.

Нет.

У меня бы не получилось.

Адриан изначально поставил меня перед ужасным, просто невозможным выбором. Я бы не смогла быть только лишь «его женщиной». Довольствоваться одной ролью. Это была бы не я... а Верина тень. Безликая и неодушевленная. Греку быстро бы это наскучило, потому что когда-то он полюбил меня именно той, коей я и являюсь – увлеченным, живым человеком с мечтами и целями.

Снег практически растаял, поэтому, не боясь поскользнуться, быстро бегу до входа в телецентр и замираю на полу-пути.

– Феликс, – выдыхаю растерянно. – Привет.

Отвожу глаза, потому что не в силах на него посмотреть.

– Привет, Вер, – говорит Умаров тепло. – Ты как?

Принимаю смазанный поцелуй в щеку и теперь смелее разглядываю то, как он одет. Борода Феликсу безусловно к лицу. Она делает его старше. Я бы обязательно сделала ему комплимент, если бы не знала о причине этой растительности.

– Как поживает Лейсан Сабитовна? – спрашиваю и тут же прикусываю губу.

– Мама в порядке. Держится. Догадываюсь, что плачет, когда остается одна.

Мотаю головой, даже не представляя как тяжело этой сильной женщине. Камиль Рустамович был для неё всем. Крепким плечом и верным спутником. Они почти всю сознательную жизнь провели бок о бок. Просто не верится, что

всё так глупо закончилось.

– А ты? Как ты себя чувствуешь Феликс?

– Я... – вздыхает он. – Мне некогда грустить, Вера. Отец ведь не успел продать прииск Макрису. Но ты, наверное, знаешь.

Неопределенно киваю.

– В наследство можно будет вступить через полгода. Сейчас выбрали кризисного менеджера и пытаемся держаться на плаву.

– Насколько я помню, Камиль Рустамович всегда хотел, чтобы ты занимался делом его жизни.

– Да... Папа был бы счастлив.

Пытаюсь сдержать слёзы. Чувство вины, помноженное на беременность, превращают меня в излишне сентиментальную особу.

– А здесь ты что делаешь? – вдруг осознаю, где мы находимся.

– В период подготовки к продаже папа многое рассказывал... Эта информация сейчас очень помогает, потому что в золотодобыче я совершенно ничего не понимаю. Вот... решаю вопросы с вашим начальством, – показывает Феликс на объемную черную папку в правой руке.

– С начальством? – нахмуриваюсь. – А при чем здесь Вячеслав Самирович?

Откуда вообще он в курсе подробностей сделки? Ничего не понимаю.

– А при чем тут Мухамадьяров? – удивленно произносит Феликс. – Ты что, не в курсе? – подозрительно меня осматривает. – Он продал свой пакет акций Адриану Макрису. Теперь грек, владелец «Медиа-Холдинга».

– Владелец? – вздрагиваю.

– Да. Прииск он купить не успел, Вера. Пришлось срочно вкладывать деньги в другой бизнес...

Глава 7

Новость, как обухом по голове ударяет, но я спокойно продолжаю разговаривать с Феликсом.

– Я думал, если честно, ты злишься на меня, Вер, – произносит он с виноватой улыбкой.

– За что?

– За тот случай на озере.

Морщусь, когда вспоминаю, как чуть больше двух месяцев назад, мы с Феликсом решили прокатиться на снегоходе по озеру и это едва не закончилось трагедией. Я была на волоске от смерти, когда Макрис ценой собственной жизни спас меня.

– Ну что ты, – машу рукой. – Я тогда перепугалась, конечно, но сейчас всё стало понемногу забываться. На тебя точно зла не держу, Феликс.

Надеюсь, и ты на меня не будешь. Если когда-нибудь правда вскроется. Вглядываюсь в его лицо и пытаюсь понять, знает ли он что-то.

– Может, выпьем кофе как-нибудь вместе? – предлагает младший Умаров.

– Лучше чай, – смеюсь, запахивая шубу поплотнее.

– Замётано. Я тогда наберу.

В телецентре с утра непривычно пусто.

Конечно, раньше я бы в первую очередь поднялась на пятый этаж, хлопнула дверью и потребовала бы от Адриана объяснений.

Что за игру он ведет? Зачем ему холдинг?

Но сейчас, во-первых, предпочитаю держаться от Макриса подальше. Надеюсь, он вообще про меня забудет. И про мою беременность тоже. Во-вторых, мне надо работать, поэтому скидываю высокие сапоги и натягиваю на ноги мягкие тапки.

В кадре я по четыре, а то и пять часов нахожусь в туфлях на высокой шпильке. Хотя бы до эфира могу себе позволить комфорт и удобство.

В десять переодеваюсь в деловой костюм, затем уже по традиции приходит Оксана на грим, и я наконец-то пытаюсь расслабиться, вытянув ноги. Слава богу, утренний токсикоз меня не мучает, иначе к синякам прибавился бы ещё зелёный цвет лица.

– Вера, – заглядывает в кабинет, который мы занимаем с несколькими коллегами, Ирина, наш редактор. – Обсудим сегодняшнюю тему?

– Да, давай, – киваю, шмыгая носом.

Оксана неодобрительно смотрит сверху и продолжает накладывать тон.

– Да ладно... Заболела?

– Это видимо беда всех беременных – будто воздуха не хватает, – отвечаю тихо.

– У меня так тоже было, – смеется Иришка. – Могу посоветовать хорошие капли, они хоть и гормональные, но справляются на «отлично».

– Нет, уж, – качаю головой, Оксана шипит над ухом. – С врачом посоветуюсь, пожалуй.

– О, первая беременность, Вера. Сразу видно. Ты, кстати, уже ходила на ковер к новому собственнику?

– Я? Зачем? – настораживаюсь.

Телецентр в последнее время стал зоной свободной от мыслей об Адриане Макрисе. Только здесь мне удавалось не думать о нем и обо всём, что случилось с нами. Но грек и сюда просочился.

– Ну как... Вознесенский там уже пару дней пороги обивает. Рассчитывает, что вернется в прайм вместо тебя.

Морщусь, получая полный негодования взгляд от Оксаны.

– Ты можешь сидеть спокойно, Стоянова? Мне тебе приходится в два слоя глаза делать, когда уже спать будешь нормально?..

– Прости, сегодня постараюсь, – улыбаюсь мягко и обращаюсь к Ирине. – И что Вознесенский? Успешно лебезит перед новым начальством?

– Главный его два раза принимал. Значит, успешно. Поскрипываю зубами.

– Думаю, они подружатся.

После грима обсуждаем с Ириной приглашенных гостей, которые тоже готовятся к эфиру в соседней гримерке. Темы

моего шоу чаще социальные или коммунальные, нежели политические. Несколько дней подряд мы обсуждаем затянувшийся капитальный ремонт в одной из районных больниц.

В студии обычно много активистов из числа жителей города, а сегодня ещё и из министерства здравоохранения прислали ответственного специалиста.

Звукорежиссер закрепляет микрофон, и я наспех пытаюсь выпить чай, не стерев помаду с губ. В животе неприятно урчит, словно напоминая, что завтрак я проигнорировала. Сна нет, еды по расписанию тоже, ещё и новый собственник «Медиа-холдинга» теперь будет глаза мозолить. Просто идеальные условия для вынашивания, черт возьми!

– Начинаем? – спрашиваю, заходя в светлую студию.

Приветливо улыбаюсь залу и поднимаюсь на сцену.

– Вера Михайловна, – растерянно проговаривает ассистент, разводя руками. – У нас изменения.

– Какие? – нахмуриваюсь, щурясь от света софитов. – Кто-то из гостей не пришел?

Заглядываю в бумаге на столе.

– Все пришли, – виновато озирается.

– Все пришли, Стоянова. Только зачем ты пришла? Не знаю, – слышу сзади голос Вознесенского.

Уничижительно осматриваю его внешний вид и непонимающе уставляюсь на Ирину.

– Прости, Вер, мы только что сами узнали, – пожимает плечами редактор. – Они хотят отснять программу сегодня с

Вознесенским, чтобы замерить и сравнить рейтинги с тобой.

– Кто они? – игнорируя сопение Артемия спрашиваю.

Ирина виновато кивает наверх.

Студия наполняется какими-то неловкими покашливаниями, Марсель пожимает плечами, Оксана прикрывает рот ладошкой. Непонятно взявшийся откуда-то Шурик, мой бывший оператор, отворачивается.

Он... специально, да?

– Хорошо, – киваю, стараясь не потерять достоинство. С мертвенным спокойствием снимаю микрофон. – В конце концов, кто мы такие, чтобы спорить с начальством...

Глава 8

– Вера, не обижайся, пожалуйста, – стуча каблуками, бежит за мной Ирина. – Это всего лишь эксперимент. Ради понимания как быть дальше.

– Да пожалуйста, – негодуяще восклицаю, залетая в кабинет.

Досадно стираю помаду салфеткой.

Лишить меня эфира! На Вознесенского променять!

– Никто не хотел делать ничего против тебя лично. Ты не думай. Стоянова, ты ведь лучшая.

– Да-да, – закатываю глаза. – Я так и поняла, Ир. Именно поэтому мне сообщили прямо перед эфиром, когда в студии яблоку негде упасть. Теперь каждый зевака в массовке в курсе, что меня, как ненужную мебель задвинули в угол. До лучших времен.

– Ну, прости, – чуть не плачет редактор.

– Ладно уже, – морщусь и машу рукой. – И не с таким справлялись.

В животе урчит, надо бы поесть и успокоиться. Как-то унять внутреннюю дрожь, всякий раз возникающую от все-ленской несправедливости.

Мир несправедлив. К двадцати восьми годам пора бы смириться...

Когда Ира уходит, скидываю пиджак, оставаясь в шелко-

вом серебристом топе на тонких бретельках, и потираю обнаженные плечи. Инстинктивно провожу рукой по животу. Подойдя к окну, приоткрываю его, чтобы получить порцию свежего воздуха и задумчиво смотрю на парковку за телецентром. Как бы я хотела оказаться сейчас подальше отсюда... От грека, диаспоры и его холдинга. Моя усталость, кажется, достигает максимальной отметки.

Вздрагиваю, когда вижу знакомую высокую фигуру.

Хмуро наблюдаю, как Адриан, пересекая парковку широкими шагами, направляется к своему новому автомобилю. Старый внедорожник, видимо, пострадал при взрыве.

Боясь быть застигнутой врасплох, изучаю широкие плечи и мощную спину, темный затылок. Безусловно, деловой костюм Макрису идет. Он, как и прежде, хорош. Но... будто другой стал. Движения резче, чувствуется внутренняя нетерпимость и напряжение.

Достигнув черного блестящего седана, Адриан открывает водительскую дверь и оборачивается, чтобы словно одиночными выстрелами столкнуться со мной взглядами.

Черт. Черт. Черт.

Обнимаю себя за плечи, чувствуя как никогда свою уязвимость.

Беременная, потерянная, голодная...

Можно было бы отскочить от окна и сделать вид, что меня здесь нет, но... пожалуй, это не в моих правилах, поэтому я принимаю черный, равнодушный взгляд и вкладываю в свой

всё безразличие, что есть в моей рваной душе. Всё безразличие, на которое я способна, когда дело касается мужчины, чьего ребенка я ношу под сердцем.

Макрис усмехается.

Выходит как-то... зловеще, и я перваярываю зрительный контакт. Адриан не кивает и не машет, естественно. Просто усаживается в автомобиль и срывается с места с оглушительным треском шин.

Мои руки безвольно опускаются, сжимаю пальцами прохладный подоконник,

Достаточно.

Он так мстит, да?

Мстит за то, что снова выбрала не его. Протянул свои длинные щупальца с пятого этажа и пытается меня сломить. Отнять главное – моё дело. То, чем я живу и чем себя обеспечиваю.

У моей мамы сложная форма болезни Паркинсона. Отец, окончательно сдавшись, регулярно выпивает до пороссячьего визга. Журналистика – это единственное, что я умею, чтобы с помощью дорогостоящих лекарств держать под контролем коварную болячку. По этой же причине я не смогу просто так уехать из города, мне придётся... как-то договариваться.

И Адриан прекрасно это знает.

Только вот...

Ещё два месяца назад своим поступком он легко мог бы меня сломать. Фактически уничтожить. Сейчас же... Про-

считался. За это время, оплакивая по ночам его смерть, я стала сильнее и старше.

На многие вещи теперь смотрю абсолютно по-другому.

Главное, он жив.

Внутренний телефон на столе противно трещит и я, усевшись в кожаное кресло, принимаю звонок.

– Вера, добрый день, это Георгий, – слышу в трубке мужской голос.

– Георгий?

– Да, помощник Адриана Константиновича.

– Слушаю, – нахмуриваюсь.

– Адриан Константинович дал приказ, чтобы вы подъехали завтра в клинику его хорошего друга. Она называется «Афина». Адрес я направлю в сообщении на ваш мобильный. Вы подъедете, Вера?

– Но... зачем?

– Хмм... – задумчиво отвечает Георгий.

Судя по голосу, тушуетсЯ, но продолжает:

– Необходимо пройти плановый медосмотр, а именно сдать анализы, и вы записаны на ультразвуковое обследование.

– Да вы что? – не сдерживаю сарказма.

– Да. Адриан Константинович обеспокоен состоянием вашего здоровья.

Уверена, здесь помощник добавил «отсебятины», потому как я видела Адриана Константиновича пару дней назад и

особо сильно он не переживал.

– Вы подъедете, Вера? – снова интересуется Георгий.

– Сообщите, пожалуйста, вашему любезному начальству, – хрипя выкрикиваю. – Донесите до него, пожалуйста, чтобы он завёл себе джунгарского хомяка и таскал его по клиникам сколько угодно. Сдавал анализы, делал УЗИ, МРТ, колоноскопию. Всё, что ему, извращенцу, захочется! А за состоянием своего здоровья я в силах проследить сама.

– Но, Вера...

– Всего. Хорошего.

В ярости кидаю трубку и, схватив шубу и сумку, решаю, что мой рабочий день на сегодня окончен...

*

У себя на канале в Телеграм "Лина Коваль. Автор" по воскресеньям я публикую спойлеры, а также в ежедневном режиме – анонс глав и фото-, видеовизуализацию героев. Всех неравнодушных к Вере и греку, приглашаю :-)

Глава 9

– Вера Михайловна, доброе утро, меня зовут Кристина. Я администратор клиники женского здоровья «Афина».

– Здравствуйте, – раздраженно выговариваю и паркуюсь возле телецентра.

– Секунду, пожалуйста...

Поплотнее запахиваю пуховик и хватаю сумку. Надеюсь, мне простят мой подростковый вид, потому что с утра я чувствую себя неважно и наряжаться просто не было сил.

Опустив солнцезащитный козырек, рассматриваю лицо в зеркале. Макияж я тоже проигнорировала. Если выпустят в эфир – Оксана сделает грим, поэтому нет смысла стараться.

– Вера Михайловна, – возвращается администратор к телефонному разговору. – Вы записаны к нам сегодня на обследования и приём к кандидату медицинских наук Софии Андреевне Костакидис.

– Коста... что? – морщусь.

– Костакидис. Наш лучший специалист по ведению беременности.

– Звоню вам напомнить о посещении нашей клиники и пожелать хорошего дня. – Ясенько...

Денёк будет что надо, – думаю, хлопая козырьком и прожоя взглядом Вознесенского, который словно на крыльях летит в телецентр. Хорошо хоть Маркис паркуется за здани-

ем.

– Произошло досадное недоразумение, ммм... Кристина? – пытаюсь быть вежливой, хотя очень хочется наругать. – Я уже наблюдаюсь в другой клинике, и меня все устраивает.

– Да? – растерянno проговаривает девушка. – А как же так получилось? Адриан Константинович...

– Понятия не имею кто это... Всего доброго.

Бросив телефон на пассажирское сидение, поднимаю голову к потолку, сжимаю пальцы в кулаки и рычу сквозь зубы. Затем несколько минут, упав лбом на руль, пытаюсь прийти в себя.

Макрис специально меня изводит. Запугивает. Дразнит. Хочет подчинить.

Он всегда этого хотел. Чтобы я не отсвечивала, если дело не касается его спальни...

Кусаю губы.

Адриан делает всё, чтобы постоянно держать мою нервную систему в тонусе. Но пока тонус наблюдается только внизу живота и угрожает нашему ребенку, а я чувствую себя как старое, разбитое корыто в растянутых трениках.

– Вера, привет, – встречает меня Ирина, едва я заворачиваю в коридор, ведущий к кабинету. – Что это с тобой?

Удивленно меня рассматривает. Округляет глаза.

– Плохо себя чувствую.

– Так... зачем пришла?

– У меня, вообще-то, съёмка...

Отперев дверь, тут же иду к окну и открываю створку. Глотнув свежего воздуха, фиксирую машину Макриса на стоянке. Не спится человеку, а?..

– Может, надо было дома остаться? – у меня за спиной заботливо проговаривает редактор.

– И отдать своё детище пузатому Артёмке? – мрачно интересуюсь. – Нет, спасибо, Ир.

Она смеется, прикрывая лицо папкой.

– Кстати, Вер, зайди к Батюшке, – вдруг становится серьезной. – С самого утра тебя дожидается.

– Это интересно, – сбрасываю пуховик, поправляю укороченную толстовку от спортивного костюма и направляюсь к главному продюсеру.

В коридоре довольно холодно, поэтому складываю руки на груди и потираю плечи.

Коллеги, которых я встречаю на пути, несколько обескуражены моим внешним видом. Особенно полоской смуглой кожи между толстовкой и штанами. Пупка что ли не видели?..

Равнодушно улыбаюсь в ответ.

Подумаешь!

– Стоянова, – бормочет начальник, как только захожу к нему. – Ты что прямиком из гроба сюда пожаловала?

– Почему? – невозмутимо поднимаю брови.

– Ты бледная, как моль.

– Новая тональная основа не подошла.

– Стоянова, – закатывает глаза Батюшка и, как обычно, раскачивается на стуле. – Я тридцать лет на телевидении. Ты даже не умывалась.

– Невежливо мне тыкать этим в лицо. В моем положении.

Приглаживаю волосы и умиротворенно вздыхаю.

– В своем положении иди домой и отдыхай. Выпиши себе отпуск. Только, пожалуйста, вернись без новостей.

Анатолий Аркадьевич кивает на мой живот, а я не могу сдержать смех.

Глава 10

Когда три месяца назад Макрис неожиданно вернулся в город с кучей евро и желанием выкупить основное золотодобывающее предприятие в регионе, Батюшка отправил меня на разведку – разузнать мотивы грека и его дальнейшие планы.

Мало того, что задание было мной провалено в первый же вечер, Адриан решил, что его основной конкурент – криминальный авторитет Прохоров объявил за мной охоту, и тут же устроил мне отпуск, после которого я вернулась в телецентр беременной... и с воспаленными, покрасневшими от слёз глазами.

Вдруг становлюсь серьезной.

Всё это в прошлом. Мне надо позаботиться о себе, о родителях. О моём малыше.

Если всё пойдёт хорошо, маму оформят в областной неврологический центр постоянного пребывания. Это было бы идеально. С ребенком я уже не смогу быть все время на подхвате, а нанятые мной сиделки одна за одной не выдерживали пьянства отца.

– Я не могу сейчас уйти. Вы ведь знаете? Тогда новое начальство совсем моё имя из программной сетки выкинет.

– Это да, – кивает Батюшка. – Наслышан. Из маркетинга с утра спустили односторонний приказ – записать блок с Ар-

темием и отследить рейтинги. Только потом примут решение по тебе...

– Блок? – выкрикиваю, вскакивая с места.

Прикрываю глаза ладонью.

Блок. Целый блок.

Пять эфиров.

Почти вся следующая неделя.

– Прости, Стоянова. Решение будет приниматься наверху по итогам информации с пиплметров (прим. авт. – устройство для проведения исследований ТВ аудитории) и авторитетного мнения основных рекламодателей.

– Но почему? Я не понимаю, Анатолий Аркадьевич? Вы говорили – все довольны. Рейтинги отличные. Что не так?

Развожу руками и часто дышу. Несправедливость съедает изнутри. Она встает комом в горле, до слёз.

– Не знаю, Вера. Я ведь человек Славы. Сам думаю, как бы на месте остаться. Но у меня создалось стойкое ощущение, что этот вопрос от тебя ждут там. Заданный лично.

Батюшка поднимает руки с вытянутыми указательными пальцами, имея в виду пятый этаж и Адриана.

– Я не собираюсь этого делать, – мотаю головой. – Просить к нему я не пойду. Не дождется.

– Тогда я тебе не помощник, – грустно выговаривает Анатолий Аркадьевич.

Судорожно собираю мысли в кучу.

Больше, чем проигрывать я не люблю только ждать...

Ждать, пока кто-то вершит твою судьбу, и хладнокровно пытаются сломать.

Внезапная мысль озаряет.

– Вы... вы ведь можете дать мне репортаж для другого проекта? – хитро уставляюсь на своего руководителя.

– Не думаю, – усмехается он.

Протирает лысину платком.

– Пожалуйста, – настаиваю. – Анатолий Аркадьевич, миленький! Я возьму Марселя и не буду здесь отсвечивать. Никто не узнает.

– А голос за кадром?

– Голос за кадром пустим дикторский. Гриши Перевалова, например. Я договарюсь.

Подхожу к нему и нависаю сверху. Заботливо убираю какой-то волос с пиджака. Жду...

– Ладно. Что ж я не человек, что ли? – Анатолий Аркадьевич чешет подбородок и машет рукой. Я хлопаю в ладоши. – Смотри. За городом сейчас проходит фестиваль бардовской песни... Палатки, гитары, веселье... Сама понимаешь...

– Какой идиот проводит фестиваль в феврале? – удивляюсь и тут же ёжусь от холода, представляя себя в лесу.

Врач, конечно, рекомендовал прогулки на свежем воздухе, но вряд ли подозревал о степени моей ответственности.

– Какой идиот?... А вот ты нам и расскажешь, Стоянова. Ты нам и расскажешь!..

*Надеюсь, вы не скучаете без грека?
Скоро появится)*

Глава 11

– Ты уверена, что это хорошая идея? – спрашивает Марсель, наблюдая, как я застегиваю слитный комбинезон ярко-красного цвета.

Вещица слишком вызывающая и заметная, но более теплой и не продуваемой верхней одежды в моем гардеробе просто не нашлось. Эта и то в наследство от старой рекламной кампании досталась.

Зимний фестиваль бардовской песни проходит на чудесной базе отдыха под волшебным названием «Лесная сказка». Чудесной – в прошлом!.. Сейчас же есть ощущение, что «сказка» закончилась, а остался только лес и несколько полуразрушенных зданий.

В старом холодном клубе оформлена импровизированная сцена, на которой по очереди выступают приезжие поэты-песенники. Пока я веду беседу с одним из организаторов – Петром Борисовичем, Марсель оперативно делает общие кадры сидящих в зале гостей с разных ракурсов.

И зачем Батюшке этот цирк понадобился?..

– У нас тут все, милейшие люди, Верочка.

Недоверчиво озираюсь и, заметив подвыпившего грузного мужчину, слегка улыбаюсь Марселю.

– Я вижу, Петр Борисович. Абсолютно все.

– Фестиваль песни – это праздник, которого мы ждем каж-

дый год. Съезжаются наши друзья со всего региона.

– Марс, сними сцену поближе, будь добр. Простите, – снова обращаюсь к организатору. – В палатках люди не мерзнут?

– Нет, конечно. Сейчас столько разных приспособлений. А может... оставайтесь с нами, Вера? Будем песни петь, сидя возле костра. Заварим вкусный чай, можно чего и покрепче.

– Нет уж... Покрепче точно не стоит. Да и вам, пожалуй, хватит, – киваю в сторону всё того же пьяного толстяка.

Побыстрее бы вернуться домой!

– Я закончил, – хмуро сообщает оператор, складывая камеру.

– Ура! – хриплю под нос.

Из здания клуба выбираемся уже после полудня. К этому времени я успеваю озябнуть до такой степени, что периодически чихаю и пытаюсь не замечать насморка.

– Простудилась всё-таки? – спрашивает Марс, внимательно осматривая моё лицо.

– Нет, это аллергия на «Изгиб гитары желтой», – ворчу под нос.

Посмеиваясь, добираемся до машины, возле которой замечаю девушку в ярко-синем пуховике.

– Здравствуйте! – она приветливо к нам обращается и крепче сжимает ляжку от сумки. Нервничает. – Меня зовут Валерия Завьялова, я сотрудник полиции.

Вытягивает удостоверение прямо перед нашими лицами.

– Здесь написано стажер, – на полном серьезе замечает

оператор.

– И что? – оскорбляется девушка, округляет глаза. – Стajer – это тоже сотрудник. И человек, между прочим.

– Чем мы вам можем помочь? – отодвигаю Марсея, который тут же идет убирать камеру и принадлежности в багажник своего Рено.

Моя машина осталась возле дома, на стоянке. Глупо было ехать в такую глушь порознь.

Девушка вдруг прикрывает рот ладошкой.

– Ой, а вы же Вера, да?.. Вера Стоянова?..

– Вера, – киваю.

– Как я мечтала с вами познакомиться. Моя сестра, Каролина Никифорова, много про вас рассказывала.

– Каролина... Феминистка, что ли? Директор кризисного центра?..

– Да-да, я ей тоже там помогаю. И также придерживаюсь фем-программы.

Марсель за моей спиной хохочет и громко ударяет дверцей багажника.

– Что смешного? – оскорбляется девушка.

С интересом наблюдаю, как переливаются на солнце её огненно-рыжие, короткие волосы, выглядывающие из-под вязаной шапки.

– Так... чем мы можем вам помочь? – спохватываюсь. – Валерия, кажется?

– Да-да, я – Лера... Здесь, – озирается по сторонам. – На

задании была. Вы бы не могли подбросить меня до города? Хотя бы до ближайшей остановки.

– Конечно. Марсель? – прошу своего оператора подтвердить.

– Если только вас не смутит, что за рулем буду я, – он деловито отвечает.

– Не смутит. Я адекватная, – выдержано откликается Валерия.

– Тогда, садись назад, – парирует Марс.

В автомобиле практически так же холодно, как и на улице. Голова гудит то ли от насморка, то ли от усталости. Мысленно проклиная тот момент, когда согласилась на этот репортаж, и наблюдаю за ровной проселочной дорогой.

Марсель с Валерией молчат, поэтому я тоже помалкиваю, а чуть позже, немного согревшись, блаженно прикрываю глаза.

Кайф.

Всё не так уж и плохо, – рассуждаю про себя. Весь день я провела на свежем воздухе, даже аппетит появился. Об этом напоминает легкое урчание в желудке. Обязательно по приезде отправляюсь в любимое кафе и съем...

– Блядь!

Вздрагиваю и резко распахиваю глаза, потому что машину как следует трясет вместе с нами, и я с ужасом наблюдаю, что из наезженной глубокой колеи, её выносит прямо в кювет.

Естественно, тоже вместе с нами!..

– Бля-я-ядь... – орёт Марсель, выкручивая руль и, пытаюсь что-то сделать, но уже слишком поздно. – Осторожнее.

Валерия взвизгивает:

– Мамочки!..

Я пытаюсь сгруппироваться, в первую очередь прикрывая самое дорогое – живот. Фееричное приземление в сугроб даётся мне сложно – больно ударяюсь левой коленкой о бардачок и вскрикиваю, почувствовав резь в виске от удара об боковую стойку.

Боже.

А если бы на месте сугроба оказалось дерево?

Шокировано осматриваю себя на целостность. Губы пересохла от страха, поэтому я их медленно облизываю и кусаю.

– Вера, ты как? – беспокойно спрашивает Марсель.

– Нормально, – вдруг всхлипываю.

– А ты? – обращается к Валерии.

– Живая.

– Это пиздец, – вздыхает Марс тяжело и пытается открыть дверь, но она не поддаётся.

– До трассы метров шестьсот не добрались, – произносит Марсель. – Позвоню водителю в телецентр, чтобы приехал за вами.

– Давай, – дрожащим голосом выговариваю.

Всё ещё не могу прийти в себя. Ну почему меня всё время тянет на приключения?..

Я даже не мечтала о том, что у меня будет малыш. Неуже-

ли, нельзя хотя бы ради него немного успокоить свой карьерный запал?..

– Вера, ты меня слышишь? – дергает за плечо Марсель.

– Да.

– Давай выбираться. Выходите на дорогу, а я дождусь эвакуатор.

– Хорошо.

Путь по сугробам с ушибленной ногой я, пожалуй, запомню надолго. Натянув шапку поглубже на лоб, убираю руки в карманы и со скоростью черепахи передвигаюсь к трассе.

У моей попутчицы рот просто не закрывается, и это на удивление помогает не думать о более серьезных последствиях случившейся аварии.

– ...а я ему говорю, я феминистка, – жалуется Лера на своего руководителя по фамилии Бойцов.

– А он что?

– А он, как буйвол уперся – «баба должна быть под мужиком».

– Ты имеешь право быть такой, как хочешь, – гордо высказываюсь, дыханием грею руки через тонкие перчатки.

– Я ему так же говорю...

– А майор твой?

– Говорит, значит, у меня нормального мужика не было и обещает, что выбьет из меня эту дурь.

– Это незаконно, – замечаю экспертно.

Что эти мужчины о себе возомнили?.. И Макрис такой же.

Почему им надо обязательно прогнуть женщину, заставить пресмыкаться, варить борщи?..

Виновато опускаю голову. Ты с радостью ему готовила, Вера. Сама знаешь. Грек из тебя веревки вьёт, как только в дело включается... секс.

– Конечно, незаконно, – продолжает Валерия. – А он вопит: «Я сам – закон, Завьялова» и дышит на меня с амбре из доширака.

– Жуть, – закатываю глаза.

Что за самодур?..

Ногу противно тянет.

– Там, кажется, кто-то едет, – киваю в сторону заезда с трассы.

Резво выдыхаю, когда вижу огромный, как танк, зеленый, старый джип.

– Черт, черт, черт, – шепчет Лера. – Это ОН, Вера. Он!..

Перевожу взгляд на девушку, которая всячески пытается спрятаться за меня.

– Он меня убьёт. Я не должна была сюда ехать без разрешения.

Машина останавливается на обочине, из неё практически сразу выскакивает высокий, стройный мужчина лет тридцати. Быстро осматриваю синие джинсы, короткую дубленку и непримечательную черную шапку.

Округляю глаза, наблюдая с какой феноменальной скоростью приехавший направляется к нам.

– Мне конец, – продолжает причитать Лера. – Господи, прости! Я была замечательной женщиной.

– Успокойся, – одергиваю её и приветливо улыбаюсь злой «дубленке». – Здравствуйте.

Удостоив меня равнодушным взглядом, мужчина подцепляет локоть Завьяловой и цедит ей в лицо:

– Я тебя на лоскуты порежу, стажерка.

– Мужчина, – возмущаюсь. – Я представитель прессы. Как вы смеете так разговаривать с девушкой? Она ведь ваша сотрудница?..

– Заткнись, – бросает он мне, даже не посмотрев. – Поехали.

– Вера, – ахает Валерия, как болванчик, передвигая ногами. – Я ведь говорила, что он настоящий мужлан. Почему мы, женщины, в двадцать первом веке...

– Закрой свою маленькую пасть, фенистилка, – цедит ей «мужлан».

– Я феминистка, – возмущенно выкрикивает она.

Вдруг улыбаюсь, потому что выглядят эти двое забавно. Прихрамывая, иду к машине нашего спасителя. Надеюсь несмотря на скверный характер этот громила одну меня здесь не оставит.

Резкий звук клаксона заставляет обернуться. Вместе со мной это делает ругающаяся парочка.

Замираем...

– Твою мать, – шепчу под нос, шмыгая.

Мрачно слежу за тем, как Макрис выходит из блестящего седана и быстро застегивает пуговицу на строгом черном пальто, которое в заснеженном лесу смотрится так же неуместно, как и он сам.

Загорелый и сияющий.

Отворачиваюсь гордо, чтобы не смотреть.

Адриан, по всей видимости, такого же мнения, потому что меня всячески игнорирует и подойдя, обращается к начальнику Валерии:

– Добрый день. Адриан Макрис. Куда вы их ведете?

Делаю вид, что меня здесь нет и больной ногой рисую узоры на снегу. Предательский насморк заставляет шмыгать.

– Добрый, – отвечает «мужлан». – Майор Тимур Иванович Бойцов, старший оперуполномоченный. Вот, – кивает на Завьялову, прищипывая. – Задержал умалишенную.

Поднимаю глаза.

Валерия негодуяюще снизу вверх сверлит лицо своего начальника долгим взглядом.

– Давайте уже поедem, – замечаю как можно равнодушнее.

Делаю шаг к машине.

– Задерживайте кого угодно, майор, – холодно произносит Адриан, хватая меня за локоть. – А свою женщину я забираю...

Глава 12

– Куда ты меня тащишь? – впиваюсь пальцами в стальную руку, удерживающую мой локоть. – И что за цирк ты устроил? Не слишком ли у тебя много «твоих» женщин?..

За негодованием даже не сразу замечаю резкую боль в ноге.

– Пока не жаловался, – отвечает Макрис самодовольно.

– Немедленно отвязись. Я поеду с ними.

Озираюсь на майора со стажеркой, которые, кажется, потеряли ко мне всяческий интерес. А ещё говорят, что полиция нас бережет. При свете дня похитили.

– Отпусти, – шиплю.

– Заткнись, – рявкает Адриан сквозь зубы.

– Ты можешь хотя бы помедленнее, – жалуюсь, ойкая. – У меня нога повреждена.

Макрис резко останавливается. Осматривает мой шмыгающий нос, шею, и прогуливается взглядом по красному комбинезону до самых ступней.

– У тебя... что? – недоверчиво уставляется на светло-коричневые угги.

– Нога... Ушиб или растяжение. Не знаю.

– Я тебя сейчас придушу, – хрипит Адриан, подхватывая мою талию одной рукой.

Прикусываю язык.

О том, что в колею попали и в кювет угодили, помалкиваю, конечно. Я ведь не самоубийца, правда?..

Изо рта грека вылетает гневная тирада из греческих, наполовину смешанных с английскими, ругательств.

– Откуда ты узнал, что я здесь? – спрашиваю, когда он открывает для меня пассажирскую дверь и сгружает на сидение.

Вырвав свою руку, гордо усаживаюсь и исподтишка наблюдаю, как он огибает капот автомобиля.

– Откуда ты узнал? – повторяю свой вопрос, осматривая его внимательно.

Прищуриваюсь. Вздрагиваю.

Замечаю россыпь мелких, ещё не затянувшихся шрамов на лбу, лице и шее. Нервно сглатываю скопившуюся слюну во рту и отшатываюсь. В душе паршиво становится. В прошлый раз я встретила с Адрианом в полумраке своей квартиры, поэтому не увидела настолько важных деталей.

Канаты в груди обрываются, снова тревога накрывает.

Он тоже пострадал... Моя глупость и его зацепила...

Моя чертова глупость всем навредила.

А наш ребенок мог остаться без родного отца. Я бы до конца жизни себя не простила.

Да и так не прощу.

– Как я здесь оказался?.. Спустился, чтобы обсудить один вопрос, а мне сказали, что наша главная звезда-ведущая на каком-то выезде. Ты в своем уме? – озирается он вокруг.

Один лес повсюду. – Куда ты поперлась в положении, Вера?
Меня же другое беспокоит.

– Главная ведущая? – округляю глаза. – Seriously? Ты в своем уме вообще? Лишил меня эфиров и ещё издеваешься?

Адриан вынимает мобильный из кармана.

– Я... что? – на лбу образовывается глубокая складка.

– Ты приказал снять меня с эфира на неделю, – повторяю.

– И зачем мне это, по-твоему?

– Чтобы лишит меня работы, конечно же? – закатываю глаза. – Ты ещё спрашиваешь?

Салон автомобиля наполняется низким раскатистым смехом. Что и требовалось доказать. Смеётся надо мной.

– Ты много на себя берешь, Вера. Я в первую очередь бизнесмен и прекрасно вижу, насколько дорого продал беременность Анатолий. Сделал тебя амбассадором нескольких известных брендов. Признайся, ты ему из врачебного кабинета сразу позвонила? Или он с тобой туда ходил?..

Молча наблюдаю, как Адриан снимает пальто, аккуратно складывает его напополам и небрежным движением отправляет на заднее сиденье. При этом склоняется надо мной так, что его лицо буквально в десяти сантиметрах от моего.

– Я просто ответственная, – говорю дрожа.

– Замечу, что, только когда дело касается микрофона, – напоминает он.

Получив этот тычок в лоб, вздыхаю.

– Канал вкладывает деньги в моё продвижение, логично,

что о таких важных изменениях в жизни я незамедлительно сообщаю.

– Как собственник бизнеса, не могу не восхититься, – грубовато отвечает Адриан. – Но предупреди своего непосредственного руководителя, чтобы не спешил заключать контракты на моего сына. Превращать его в обезьяну не позволю. Макрис не будет рекламировать подгузники. Запомни!..

Устаиваясь на него возмущенно.

Неужели он и вправду думал, что я способна на такое?..

– Я и не собиралась. И вообще, почему ты уверен, что будет именно мальчик? – взрываюсь.

– Хочешь... назови это интуицией.

Невозмутимо смотрит в окно. Такой уверенный в себе и сильный, что у меня голова кружится. Задерживаю взгляд на верхней пуговице белоснежной рубашки и отвисаю. Иронично закатываю глаза.

Он не меняется.

Всё такой же самовлюбленный грек! Считает, что вокруг его желаний даже яйцеклетки со сперматозоидами оплодотворяются. Просто, потому что Адриан Константинович так захотел!

– Ну слава богу, это всего лишь мужская интуиция, – взмываю руками и ослабляю замок от комбинезона на шее. – Я думала всё гораздо серьезнее...

В машине натоплено так, что наконец-то оттаиваю.

Он скептически на меня посматривает.

– И вообще, как ты мог не знать, что меня выгнали со съемки? – вдруг вспоминаю.

Подозрительно на него смотрю. То, что мы уже десять минут общаемся без словесных ударов и взрывов считаю достижением. И низ живота наконец-то отпускает. Больше не ощущаю там тяжелый камень, только легкость.

Расслаблено вытягиваю ноги.

– Тебя выгнали со съёмки?..

– Да. Анатолий Аркадьевич сказал, что это твоё решение.

– Он так сказал? – Адриан злится.

Задумываюсь и потираю лоб.

– Нет, – произношу виновато. – Он что-то говорил про отдел маркетинга.

– Возможно. Я дал задание изучить рейтинги всех сотрудников, чтобы избавиться от тех, кто чувствует себя комфортно в роли балласта.

– Ясно, – удовлетворенно вздыхаю. – Значит, произошло недоразумение.

Телефон на панели звонит, поэтому я отворачиваюсь, успевая заметить женское имя на английском. За окном враз становится пасмурно...

– Да, – отвечает Адриан спокойно.

Мелодичный женский голос интересуется:

– Во сколько ты сегодня...

– После шести.

– Хорошо, поняла. Хлоя останется у Ставридисов. То-

гда... может, заберешь Нику из детского сада?..

Прикрываю глаза, переживая очередную остановку сердца. Почему это так больно, а?..

– Заберу. Позвони воспитателю...

Убирает обратно мобильный.

Инстинктивно сложив руки на животе, опускаю голову. Поверить не могу. Это действительно его семья...

– Разве... разве ты когда-нибудь меня любил?.. – спрашиваю выразительно, находясь на грани отчаяния. – Так, как я тебя... Любил?..

Закусываю внутреннюю сторону щеки. Хочется рвать волосы на голове. Рвать. Клоками. Драть. Вспарывать кожу. Всё то угодно, чтобы трансформировать накатывающую боль.

Лишь бы не чувствовать этой зияющей дыры в душе.

– Ты бесчувственный, Адриан!

Мажу взглядом по большим рукам, плотно сжимающим руль.

Тишина в салоне автомобиля раздражает всё моё тело. До кончиков пальцев...

Ненавижу!

– Бесчувственный! – зачем-то повторяю и отворачиваюсь к окну.

Уже практически забываю суть своих претензий, когда раздаётся хриплый, тихий голос:

– А что чувствуешь ты, Вера... вспоминая Умарова?

Еле заметная судорога поражает ноги. Внутри холодеет...

Прикрыв ладонями губы, громко всхлипываю. До крика. Свет от встречных машин рассеивается из-за слёз. Слёз, которые я копила в себе долго, потому что до последнего заперщала себе думать про взрыв...

– Я думаю, что я очень плохая. Самая плохая, – признаюсь, запрокидывая голову к потолку.

Адриан молчит. Не успокаивает, но и не добивает, хотя мог бы.

Спустя несколько минут на мои колени опускается пачка с салфетками.

– Возьми. И хватит рыдать. Ничего уже не вернуть, Вера...

Вытягиваю одну.

– И больше никогда не задавай мне глупые вопросы, – продолжает он.

Мне вдруг до хрипоты хочется освободиться и высказаться. Я действительно постоянно думаю о том, что могу быть виновата в смерти другого человека. Моя душа каждый день словно зарастает диким, колючим плющом, до нутра, до сердцевины скоро будет совсем не добратся.

Адриан отворачивается к своему окну и откашливается.

– Я не делала ничего намеренно, Андрей, – шмыгаю носом и вытираю салфеткой сопли, больше похожие на воду. Тут же пугаюсь, потому что, скорее всего, заболела. – Ты можешь считать меня кем угодно, но я не желала никому смерти...

– Прекрати, – морщится он, заводя двигатель. – Не собираюсь это выслушивать. Я не священник и не отпускаю грехи.

Направляет автомобиль на дорогу.

Откидываюсь на подголовник и прикрываю глаза. Пытаюсь остановить поток слез, но это сделать просто невозможно.

К священнику с моей проблемой не пойдешь, а выговориться мне необходимо. Мы минимум на час только вдвоём. В закрытом пространстве его автомобиля.

И пусть этот мужчина внезапно стал чужим...

Пусть он меня обманывал...

Выслушать меня ему придётся...

Глава 13

– Я не планировала идти на тот приём...

Закусываю губу, ожидая хоть какую-то реакцию. Малейшую...

Автомобиль набирает ход. За окном холодно и тени в сумрачном лесу видятся страшноватыми, а в салоне – сухо, жарко и... беспокойно.

Адриан прекрасный водитель, поэтому окончательно расслабляюсь. А потом неуклюже, кое-как стянув рукава, снимаю верх от комбинезона.

Раздеваться на фестивале я не планировала, поэтому сейчас остаюсь в светло-сером лонгсливе от термобелья. Потяжелевшую в последнее время грудь слишком откровенно облегает ткань, но я прикрываю это дело замком из рук.

Выходит сносно.

– Не планировала, – продолжаю, выправив волосы. Смотрю в окно прямо перед собой. – Так получилось...

– Хватит, блядь...

Адриан сердится, бьёт по рулю, прибавляет громкость на магнитоле. Полностью зеркалю его злость, кручу переключатель в обратную сторону, сжимаю кулаки и хриплю:

– Ты выслушаешь меня, Андрей. Даже если мне придется применить силу.

Воинственно уставляюсь на него.

Белая рубашка в сумерках смотрится так ярко, что моргаю и отправляю взгляд выше. Уголки сцепленных воедино губ подергиваются и Адриан усмехается:

– Хотелось бы на это посмотреть.

Только вот мне не до шуток, черт возьми! Видит Бог, я пытаюсь быть честной. Хотя бы сейчас, когда уже ничего не исправить.

– Разве ты не видишь, как мне плохо? Я словно в воздухе зависла. Проживала тот день миллионы раз, – всхлипываю, закрывая лицо руками. – Тысячи раз в мыслях я вновь и вновь одевалась, выходила из дома и выдвигалась на тот приём. Снова и снова, черт возьми. Каждый раз надеясь, что вот-вот что-то может произойти. Не знаю, что, – кричу, вытирая слезы, тру глаза. – Лучше бы я попала в аварию, у меня пробило колесо, начались месячные. Всё что угодно... зачем я туда поехала? Зачем?

Адриан медленно отводит пустой взгляд от дороги и мажет им по моему лицу, словно острой бритвой. Абсолютно безэмоционально. Его тело будто бы расслаблено, но по тому, как вздрагивает кадык, понимаю, он тоже нервничает.

– Зачем? – спрашивает еле слышно.

– Я не хотела быть там. Сразу чувствовала. Когда ты ушел тогда... утром. Я правда решила туда не ходить. Клянусь...

– Кто дал тебе приглашительный?

– Анатолий Аркадьич.

– Старый обормот, – срывается.

Пропускаю мимо ушей ругательства.

Мне нет никакого дела, что будет со всеми участниками тех событий, я банально устала всех выгораживать. Так выходит, все вокруг – хорошие, и только для меня нет оправданий?..

Только для меня в аду персональный котёл?..

– Анатолий Аркадьич сказал, что очень нужен сюжет. Для канала, – продолжаю. – Это было ещё до того, как мы провели ночь в новом доме.

– И ты ему поверила? – перебивает.

– Да, – развожу руками.

– Ему поверила, а мне – нет, – хрипит.

Бесится.

Мотаю головой.

Он ничего не понимает. Ничего так про меня и не понял.

Бессилие застилает глаза вместе со слезами...

– На следующий день, проведив тебя, я позвонила ему и сообщила, что не поеду. Он согласился, поворчал, конечно.

– Дальше...

– А за пару часов до приёма набрал и сказал, что замену он не нашел... Я...

– Дальше можешь не объяснять, – осекает Адриан. – Ты снова выбрала проклятый микрофон.

– И что? – взрываюсь. – Это преступление?.. А ты? Ты вообще меня обманывал? Всё время врал!..

Бью со всей дури по твердому плечу, Макрис никак не ре-

агирует, будто бы замороженный. Будто бы ему не больно!.. Ни физически, ни душевно.

– Когда я тебя увидела... – морщусь от боли, которая парализует внутренности, стягивает желудок. – Я... Боже. Мне было так больно, что меня согнуло пополам прямо там.

Адриан опускает взгляд на руль и включает поворотник. Проехав несколько сотен метров, паркуется в кармане на обочине.

Вздыхаю устало. Окунуться в тот день безумно сложно.

– Ты просил мне тебе верить, но как, Андрей? – непонимающе шепчу вдруг. – Ка-ак? У тебя всё это время была семья?

Молчание словно кислота душу разъедает.

– Ответь меня, ответь, вонючий грек, – снова быю его наотмашь.

Взвизгиваю, когда мой локоть сжимает сильная ладонь, а тело потряхивает.

Адриан нависает сверху. Рассматривает лицо и опускает взгляд ниже. Словно ошпаривается о выступающие, твердые соски и опять возвращает его к моим глазам.

Пялимся друг на друга.

– Теперь ты решила у меня спросить? – наконец-то зловец произносит. – После всего, что произошло?

– Да.

– Что было дальше?

– Я выбежала из зала. Шурик пошел за мной. В точности

даже не вспомню, куда именно мы шли, где были...

– Дальше.

– Шурик начал меня выпрашивать, что произошло?.. Потом рассказывать, что все вокруг в курсе про твою семью, дочек, одна я... Как это обычно бывает... Знаешь?..

– Не знаю. Дальше, Вера.

– Ну, что ты заладил... – морщусь и сержусь. – Он грамотно у меня всё выпросил.

– А ты рассказала! – обвиняет.

– Да! Да! Да!

– Знаешь, что делают с такими как ты? Моли Бога, что есть эта беременность... Иначе...

– Мне было больно, – взмываю руками, зажигаясь словно спичка. – Хотелось, чтобы тебе тоже... также... Да, я... специально это сделала.

– Блядь!

Адриан бьёт по кнопке, отстегивается и вылетает из автомобиля. В салон пробивается лютый холод.

Дверь с оглушительным треском хлопает.

Тяжело дыша, просверливаю дыру в рубашке на его спине, пока Адриан, уперев руки по бокам, пытается остыть. В бешенстве отпинывает вычищенным ботинком кусок грязного снега.

Затем разворачивается.

Смотрим друг на друга в упор. Пытаюсь взять себя в руки. В конце концов, надо привыкать. Бежать от него я точно не

собираюсь.

– Ты мне никогда не верила, – обреченно отпускает Макрис, усаживаясь на место.

Растираю лицо ладонями.

– Важно не то, что я тебе не верила... Как ты не понимаешь?.. Важнее то, что я тебя любила, – шепотом произношу. – Всем сердцем любила.

– Так любила, что готова была убить...

– Андрей... – вздрагиваю от слов, которые он произносит.

– И в определенном смысле сделала это...

Закусываю губу и прикрываю глаза. Слабо проговариваю:

– Знаешь, один древнекитайский мудрец сказал: «Тот, кто недостаточно доверяет, сам не получает доверия». Мне кажется, лучше, чем он, я тебе не отвечу.

– О чем ты?

– Ты спал со мной, а сам перевез из Греции семью, скрывал детей. Ответь только честно, твоя жена или женщина, не знаю... эта Эрика, она вообще в курсе?..

Нервно стискиваю жесткую ткань комбинезона.

Волнуюсь. Задать подобный вопрос в лоб – это риск, потому что можно получить правдивый ответ, который точно мне не понравится. А так хочется сразу очутиться в иллюзии.

– Посмотри на меня, – цедит Адриан сквозь зубы.

Поворачиваюсь и кружу глазами по мрачному лицу и играющим на нём желвакам. Таким чужим как сейчас, он ещё никогда не был.

Чужим...

Адриан холодно интересуется:

– Ты пристегнута?

– Да.

Заводит двигатель и осторожно выезжает на дорогу. Гипнотизирую взглядом руки, обнимающие рули.

– Я не женат, – произносит он спустя несколько минут...

– И не был. Ты ошиблась. Во всём.

Опускаю взгляд, сглатывая ком в горле. Всё зря.

Боже, какая я дура!

– А Эрика не моя женщина... Но сейчас это уже не важно, Вера...

Глава 14

Адриан замолкает. Снова добавляет громкость на магнитоле и до самого въезда в город не говорит ни слова.

Я же перевариваю нашу беседу, как запоздалый, невкусный ужин.

Он не женат и не считает Эрику, ту самую блондинку, своей женщиной...

Это радует только по одной причине – я беременна от мужчины, который несвязан обязательствами с другой.

Больше по этому поводу нет ни одной эмоции. Те, что пытаются высунуться из укрытия, блокирую, отправляя по-дальше, потому что согласна с Макрисом – сейчас это всё уже не важно.

По этой же самой причине я не собираюсь у него спрашивать про дочерей... Это попросту больше не моё дело!

Мы больше не вместе и те обстоятельства, в которые попали... Нет, нет и нет. Горько вздохнув, опускаю голову.

Хватит, Вера.

Ты взрослый человек, и больше никогда не будешь винить обстоятельства. Ни за что. Но и себя упрекать не позволишь.

Я никому не желала зла, видит Бог. Смерти точно не хотела. В тот вечер была раздавленной, побитой, жалкой... Но не мстительной, незлой.

Даже совершив предательство, каждую ночь я искренне

оплакивала душу человека, сидящего по левую руку от меня. Потому что не собираюсь его ненавидеть, и надо донести это до него...

Смотрю в окно и по привычке поглаживаю низ живота.

Когда снег растает, когда вырастет зеленая, сочная трава, а яркое летнее солнце устанет нагревать землю, мы встретимся с тобой, малыш. Очень не хочу быть мамой, которая злится, ненавидит и мстит.

Я буду другой.

Там под пальцами, я чувствую любовь... Это было глубокое, полноценное чувство, которое я вырвала вместе с клеем из сердца и перенесла, не обронив ни кусочка... К тебе, мой маленький.

"Поговорите с близкими и скажите, как сильно вы их любите! С вами была я, Вера Стоянова, телерепортер и ведущая, которой всегда есть что сказать..."

Эту подводку я ежедневно повторяла в микрофон. Дни превращались в месяцы, месяцы перетекали в года...

Зимой, весной, летом, осенью.

Снова и снова произносила, что мне «есть, что сказать».

Только...

Только вот того, «кому» это сказать, никогда не было...

С мамой ещё до болезни перестала делиться, с Адрианом... Думаю, всему виной разные менталитеты. С ним просто не получается быть искренней.

Зато я так мастерски научилась не чувствовать одиноче-

ства, что сама поверила. Даже профессиональные психологи не видели причин для терапии.

А мой малыш ещё совсем кнопка. Всего пять сантиметров там, внутри. Таких важных. Благодаря которым я уже столько про себя поняла и приняла. Осознала.

Украдкой поглядываю на Андрея. На сосредоточенное лицо падает теплый рассеивающийся свет, плечи напряжены, руки тоже.

Незаметно качаю головой и снова смотрю в окно на мимо пролетающие деревья, ночные стоянки и придорожные кафе.

Как мантру про себя повторяю.

Я есть любовь. Я есть прозрачный сосуд. Безнадёжно хрупкий у основания, но с «закаленными» стенками. Да... Этот сосуд огранён, наполнен и омыт собственными слезами, но я не буду мелочной.

Я буду милосердной. Потому что эти зима, весна и лето последние, когда мне есть что сказать, но, черт возьми, не кому. Видит бог, они последние.

– Давай поговорим, – обращаюсь к Адриану. – Пожалуйста.

Он отрывает задумчивый взгляд от лобового стекла, будто тоже размышлял всю дорогу.

Медленно выключает звук. Тишина малость разъедает мою откуда-то взявшуюся решимость...

– Ты... правда будешь мне мстить? – спрашиваю, забывая о талантах интервьюера.

Не хочу юлить и строить догадки, пытаться вывести правду. От отца своего ребенка я намереваюсь получить её легально.

– Я похож на человека, который будет мстить женщине?

– Не отвечай, пожалуйста, вопросом на вопрос. Так не пойдет. Хочется рассчитывать на честный разговор, а не на флирт. Флирта я больше не хочу. Оставь это для других.

Макрис коротко кивает.

– Я не собираюсь тебе мстить, Вера.

– Пока я беременна? –стораживаюсь.

– Я, – выделяет. – Не собираюсь тебе мстить. И это не зависит от того, есть ли в тебе мой ребенок.

– Ты говорил, что посмотришь, хмм... что со мной делать. После того, как ребенок родится, – напоминаю. – Меня это беспокоит. Очень.

Адриан растирает подбородок и склоняет голову набок, сжимает руль.

– Я был зол, Вера.

– А сейчас?

– Меньше, – грубовато произносит.

Киваю.

Хоть что-то.

– Почему ты спрашиваешь про месть, Вера? –стораживается. – Тебе кто-то угрожает.

– Нет, – округляю глаза. – Кому я нужна...

Подумав около минуты, продолжаю:

– Я просто вся как на иголках. Ты пришел ко мне домой. Обзывался, угрожал, издевался.

– Не преувеличивай.

– Нет, Адриан. Ты... пугаешь меня. Я всё время словно в ожидании удара, – чувствую, что против воли вот-вот заплачусь. – Не могу спокойно жить, работать.

Мотаю головой.

Макрис молча слушает. Разве что дыхание становится тяжелее.

– Я всего лишь женщина, – вспыхиваю. – И я устала держать щит... Хочу просто жить, нормально работать, уйти в декрет, спокойно родить. Всегда считала себя ненормальной, исключительной, но сейчас... мне впервые хочется быть обычной. Обычной беременной женщиной.

Придерживаю подбородок рукой и отворачиваюсь к окну, потому что понимаю, что в моих глазах отчетливо блещат слезы. Вскрыть карты нелегко, но я верю, что это пойдет на пользу.

– Услышал, Вера, – произносит Адриан ровно. – Прекращай...

Чувствую себя заведенной, поэтому просто не могу остановиться. Продолжаю:

– Я перед тобой не верчу хвостом. Было и прошло, Андрей. Было. И прошло. При этом не изображаю твою непричастность к своей беременности, не унижаю тебя признаниями, что ребенок от другого мужчины или что там ещё обыч-

но в нашем случае бывает...

– Я это оценил. Хотя не скажу, что не ждал.

– В первую очередь это было бы нечестно по отношению к нему...

Замечаю, как Макрис кривит губами, и поспешно добавляю:

– ... или к ней.

– Это сын, Вера, – тихо сообщает мне. – Вот увидишь.

Коротким взглядом мажет по моему животу, который я тут же прикрываю ладонью и отвечаю:

– Мне это совершенно неважно...

Следующие пять минут снова проводим каждый в своих мыслях.

– У меня тоже есть кое-какие пожелания, – произносит он, когда мы наконец-то заезжаем в город.

– Ладно.

– Будут такие ситуации, когда я просто буду сообщать, как именно надо поступить.

– В смысле?..

– Это будет происходить по одной лишь причине, что я знаю чуть больше. И мой мозг не взрывают гормоны. Я говорю – ты делаешь.

– Но...

– Я говорю – ты делаешь, Вера, – снова спокойно произносит. – Никаких тайн, недомолвок или поездок без моего ведома... Ты свободна. Можешь делать что пожелаешь, но

просто сообщай где именно, хорошо? Степан будет рядом, я с ним свяжусь.

Адриан, не отрывая взгляда от дороги, склоняется, спокойно чуть сдвигает мои колени и извлекает из бардачка бумаги.

Холодное равнодушие ко мне, как к женщине, такое явное. Можно было бы уже привыкнуть, но я никак не могу...

– Это документы на дом, в котором ты жила перед тем, когда все произошло. Я не считаю твою квартиру плохой, но о безопасности речи не идет.

– Но... – вздыхаю, когда мы сталкиваемся горящими взглядами. – Хорошо. "Ты говоришь – я делаю". Я попробую.

– Мы попробуем...

Озираюсь по сторонам, понимая, что местность незнакомая. Несколько двухэтажных зданий выстроены по периметру небольшой, вычищенной от снега площадки.

– Где это мы?..

– Это стационар клиники моего друга. Той самой, в которую ты отправила меня с хомяком.

Морщусь, вспоминая разговор с Георгием. Буду знать, что язык у него, как помело.

– Андрей...

– Всё будет хорошо, Вера. Просто хочу, чтобы тебя осмотрели, – произносит он монотонно. – Здесь отличные специалисты.

– Но у меня есть свой, – настаиваю.

Адриан не отвечает. Выбирается из машины и, открыв заднюю дверь, извлекает пальто. Накидывает его на плечи.

Вздрагиваю, когда помогает мне выбраться, и порыв ветра неожиданно раскидывает мои волосы по плечам.

Чувствую, как пальцы Макриса мягко обхватывают мой локоть. Быстро добираемся до крыльца с вывеской «Афина». Волнуюсь.

– Расслабься, Вера. Ни о чем не думай и получай удовольствие, – советует Адриан, склоняясь над моим ухом.

Закатываю глаза и, пытаясь не прихрамывать, ворчу под нос:

– Расслабься?.. Сразу видно, что в гинекологическом кресле ты ни разу не был...

Глава 15

Адриан. Спустя две недели.

«Спасибо, Адриан. Мне действительно лучше. Эта неделя была мне просто необходима. И отель на уровне хорошей пятерки в Турции».

Захватив чашку из кофеварки, усаживаюсь за стол и вытягиваю ноги. Потираю заросшую щеку.

Общаться с Верой Стояновой сообщениями – что-то новое. И дело не в том, что письменный русский язык даётся мне с трудом, хотя и в этом тоже, чего уж скрывать. Зачем вообще набирать текст, если можно... позвонить? Однако половину последнего месяца мы контактируем исключительно с помощью печатных букв, и вопреки логике не могу не заметить – это идет нам на пользу.

Просмотрев отправленные мне фотографии заснеженного парка, ни на одной из которых нет единственного интересующего меня объекта в загородном комплексе, пишу ответ: «Красиво. Я рад. Водитель заберёт в час. Будь готова».

Разум подкидывает новый крючок – можно было бы самому проветрить мозги?.. Два часа по практически пустой трассе. В тишине.

Идеально.

– Доброе утро, – бодро выговаривает Эрика, заходя на

кухню и кутаясь в теплый свитер. – Ужасно холодно. Кстати, не забыл, что обещал сегодня заехать в школу к Хлое?..

– Конечно, я не забыл.

– Если уж ты решил, что мы останемся в России, нашей дочери пора усвоить – прогуливать занятия не лучшая идея.

В голосе сквозит недовольство, которое я по старой схеме пропускаю.

– Хлое сложно снова привыкать к своему классу. Два года в Греции, полная смена окружения, климата. Будь к ней более снисходительна. Ты, в конце концов, мать. Не добивай её, сейчас нужна наша поддержка.

Эрика морщится.

– Я... в нашей семье... – выделяет. – Как плохой полицейский. Все считают меня злой мегерой. Что Хлоя, то Ника. Что ты, Адриан...

– Это твои предположения, – почесываю подбородок. – Как и многое другое.

Например, «наша семья».

Разговор приближается к опасной теме, по существу которой я уже всё сказал. Больше мне добавить нечего, поэтому подхватив пустую кружку, поднимаюсь.

– Ты запретил пускать меня в телецентр, – зло произносит Эрика. – Как какую-то ненормальную!

С воинственным видом уставляется на меня. Дышит часто, но ещё пытается сдерживаться.

– Ты не сотрудник и неприглашенный гость, – отвечаю

спокойно. – Нечего тебе там делать.

Хочется добавить, что в последнее время она особо много на себя берёт, но решаю не портить день утренним скандалом. А в скандалах ей нет равных.

Это её чертова сильная сторона.

– А общество греков? – продолжает постепенно выдалбливать дыру в моей голове. – Ты перестал вносить ежемесячные суммы для поддержки диаспоры, пошел против своего народа, Адриан. Я не узнаю тебя. Да что там... Мы все тебя не узнаём. Будто человек другой...

Конечно.

Кормушка слетела с дерева, поэтому все воробьи всполошились и собрались в кучку. Вот и Эрика уже в курсе. Диаспора в городе довольно сплочённая, чужие проблемы или, как им кажется, несправедливости воспринимают словно личную обиду. Лезут, куда не надо. А руки у греков и правда длинные. Во всех городских службах свои люди.

Молча прибываю взглядом кутающуюся в свитер Эрику и махнув рукой, уйду с кухни. Сжимаю зубы, когда слышу шаги сзади.

– Ты можешь мне объяснить, что происходит? Почему ты так себя ведешь с нами?

– С вами? – усмехаюсь.

– Со мной и с нашими девочками... – с обидой в голосе произносит.

Просто оскорбленная жена, – усмехаюсь в мыслях.

В переворачивании фактов, как и в умении «поверить в то, что придумала» Эрике нет равных, поэтому даже не стараюсь её поправить.

– Я сегодня у себя, – громко объявляю, поднимаясь по лестнице. – Если Хлоя захочет, может приезжать в любое время. Пусть позвонит.

Уверен, будь у Эрики в руках что потяжелее, это давно оказалось бы в районе моей головы. У неё патологическая любовь к разбиванию ваз и бокалов.

Полагая, что разговор исчерпан, открываю дверь в гостевую комнату, отведенную для меня, и замираю, когда в спину прилетает:

– Это всё она да... Эта тварь из телика...

Охренеть.

В глазах чернеет моментально.

Резко разворачиваюсь и через пару размашистых шагов оказываюсь рядом. Схватив Эрику за локоть, встряхиваю как следует и не замечая криков тащу на первый этаж в гостиную. Скидываю на диван и удерживая также, за руку хриплю:

– Чтобы я больше такого не слышал...

– Адриан, она тебя приворожила. Так все говорят.

Всхлипывает наигранно.

– Всем рты я прикрыть не смогу, а тебе запросто.

Встряхиваю еще раз и... отпускаю от греха подальше.

– Что бы она ни сделала – ты как приклеенный с ней во-
зишься. А теперь я вообще не знаю, что будет...

– Что бы ни было – тебя не касается. Будешь совать нос куда не надо, я его укорочу.

– Софа сказала, что не выносить ей...

Да к хренам!..

Эрика вскрикивает оттого, с какой силой мои пальцы сжимаются на её руке. Я же думаю, почему снова поверил своему товарищу Николаю, владельцу той клиники, в которую привез Веру. Он гарантировал полную конфиденциальность, на деле же снова вышло так, что все и всё знают.

– Я сказал, чтобы ты думала, что говоришь! – повторяю. – Моего ребенка...

Светлое лицо озаряется гневом и решимостью.

– Так нет никакого ребенка, – блажит Эрика. – Нет его. Что ты с ней возишься?... Зачем тебе телекомпания? Ты ничего не понимаешь в этом бизнесе. Думаешь, Умаров младший продаст прииск тебе после того, как вступит в наследство?... Ради этого мы снова переехали сюда?

Встряхнув напоследок, с отвращением выпускаю её руку и скидываю с журнального столика книги.

Поднимаясь по лестнице, понимаю, что пара часов за рулём, по трассе, в полнейшем одиночестве, мне сейчас точно не повредят...

А обратная дорога может быть даже пойдёт на пользу...

Глава 16

– Вера Михайловна, весь персонал «Соснового заповедника» желает вам крепкого здоровья, и мы обязательно ждем вас в гости снова.

– Спасибо, – перекидываю через руку пальто, аккуратно выправляю волосы из-под ворота теплой водолазки и коротко киваю. – По приезду напишу положительный отзыв на сайте и буду рекомендовать всем знакомым. Мне у вас понравилось, только вот воздух слишком чистый. Всё время хочется спать...

Администраторы за стойкой посмеиваются.

– Очень рады, Вера Михайловна, что вам удалось отдохнуть.

– Да. Я действительно отдохнула, – проговариваю под нос.

Охранник должен был оставить мой чемодан в лобби-баре, я тоже направляюсь туда. По пути проверяю телефон. Адриан сказал, что водитель заберет меня в час, это значит у меня есть минут двадцать.

Усаживаюсь в мягкое кресло, улавливая ощущения в теле, которых теперь боюсь, как огня. Долгое время, чувствуя, как живот каменеет, я будто даже радовалась этому напоминанию о беременности, а сейчас замираю от ужаса.

Я могу его потерять... Всё потерять. Надежду, мечту и счастье.

Снова расстраиваюсь.

Пытаясь отвлечься, хватаю пластиковое меню и заказываю молочный улун с кусочками манго в чайнике. Кофе мне категорически противопоказан, а рекомендации врачей теперь святое.

Последние две недели прошли по мне в буквальном смысле горячим отпаривателем. Перекроили мозг, заставили многое переоценить, а ненужное вовсе выкинуть.

Врач из клиники «Афина» обнаружила на ультразвуковом обследовании серьезную патологию – небольшую отслойку, в матке образовалась гематома. Для того чтобы проставить необходимые капельницы и сдать дополнительные анализы меня тут же госпитализировали, где я провела почти неделю.

Уже потом переехала сюда.

С Адрианом мы общаемся только через сообщения. Не абы какое достижение, конечно. Но молниями в друг друга уже не кидаемся, и это не может не радовать.

Сначала переписка была по делу. Сухие и короткие СМС, а сейчас, ближе к окончанию моего отдыха, он уже может спросить с утра как у меня дела, а я – отправить ему фотографии здешней природы.

Не знаю зачем.

Просто... пожалуй, больше некому.

Моя подруга Яна ещё в самом начале приезжала в больницу, чтобы привезти всё необходимое, но так как она тоже находится в положении, расстраивать её я не стала.

А Макрис?

Это ведь наша общая беда получается. Или общая радость... которая может никогда не случиться.

– За вами приехали, – услужливо обращается ко мне официантка.

– Спасибо, – киваю, озираясь в сторону светлого фойе, расположенного напротив ресепшена.

Замираю, когда вижу не водителя, а Адриана.

Он без уже привычного для меня официального костюма. В джинсах и черной куртке, из-под которой выглядывает воротник белой рубашки.

Как замороженная уставляюсь на него.

Он тоже смотрит через расстояние. Долго, пристально. А потом... приветливо улыбается. Но не мне, а девушкам-администраторам за стойкой. Снова замечает меня и кивает с серьезным выражением лица.

Опускаю голову, надо как-то держать себя в руках.

– Привет, – слышу над собой хриплый голос.

– Привет, – отвечаю грубовато и отворачиваюсь к окну. – Ты сказал, что приедет водитель.

Лучше быть равнодушной сукой, чем наивным щенком с мольбой погладить во взгляде.

Адриан воспринимает претензию, защиту в мои слова, безэмоционально. Подхватывая мой чемодан, ровно интересуется:

– Ты уже расплатилась за чай?

– А как же?.. – снова грублю.

Несмотря на то что внутри все клокочет, аккуратно поднимаюсь. Здоровье – сейчас главное. А чувства к этому мужчине пройдут... Обязательно!

Чувства вообще похожи на огонь. Например, в камине. Огонь сначала разгорается, искрит, кусается. Потом при должном уходе становится мягким, податливым. Языки пламени больше не обжигают, они на расстоянии греют и успокаивают. Но если не подкидывать дрова, так или иначе огонь потухнет.

Я больше не буду ухаживать за своим огнем.

Куплю обогреватель и забуду о боли.

– Пойдем? – кивает Адриан в сторону выхода.

Натягиваю пальто. Под пристальным взглядом Макриса застегиваю пуговицы.

– Шапка?

– На улице плюс пять градусов, – ворчу под нос, проходя мимо

– Забыл, что для России это почти лето, – слышится сзади тонкая ирония.

Молча добираемся до машины и рассаживаемся по местам.

– Поспи, – говорит он, выезжая с территории отеля.

Отвернувшись к своему окну, откидываюсь на спинку кресла и смотрю на мимо пролетающие сосны. Эта картинка быстро действует как снотворное, и я под мерный шум колес

и тихую мелодию, доносящуюся из магнитолы, спокойно засыпаю.

Во сне чувствую на себе теплое дыхание, аромат туалетной воды Адриана и то, как опускается спинка сидения вместе со мной. Мне так хорошо и спокойно, что нет сил даже открыть глаза. Кажется, я даже улыбаюсь во сне.

Приподнимаюсь с места на въезде в город. Украдкой поглядываю на водителя, отворачиваюсь.

– Все хорошо? – спрашивает Маркис.

– Нормально, – зачем-то булькаю в ответ.

Закатываю глаза. Ты как ребенок, Вера Стоянова.

– Я хочу тебя спросить, – поворачиваюсь спустя минут десять.

Ерзаю на сидении оттого, что Адриан настолько близко. Когда не смотришь, ещё можно как-то существовать. Вытираю руки об легинсы, лишь бы чем-то занять себя.

– Спроси.

– Я хочу выйти на работу.

Закусываю губу, ожидая неминуемой реакции. Костяшки пальцев на руле белеют, поэтому тараторю, жестикулируя, как перед камерой:

– Пожалуйста, выслушай, Андрей. Ничего не говори, умоляю. Это просто невозможно, поверь. Я извожу себя мыслями... А что, если я не выношу ребенка? Всё закончится, так и не начавшись?

А что, если беременности не станет? И эта важная, самая

последняя ниточка перестанет нас с тобой связывать? – про себя добавляю. – Что, если завтра тебя в моей жизни просто не станет? Совсем!..

Пережив эти мысли внутри, продолжаю:

– Просто невозможно постоянно сидеть без дела и думать об этом, думать, думать. Я срочно должна чем-то себя занять.

Адриан наконец-то отвисает. Сжимает скулы и скрипит зубами.

– Не виду проблемы, Вера. Займись детской комнатой, запишись на курсы для мамочек, заведи подружек.

Закатываю глаза, раздражаясь.

– А что, если... всё закончится. Куда я с этой детской? Как я буду жить дальше?..

– Всё. Будет. Хорошо, – произносит Адриан практически по слогам.

Рассекает воздух ладонью прямо передо мной.

– Перестань себя накручивать.

– Мне нужно общение, необходимо отвлечься, – продолжаю, не обращая внимания на его доводы. – На эфирах я буду сидеть. Каблуки – в топку. Я как черепаха буду передвигаться. Если хочешь – на каталке. Только, пожалуйста, позволь мне снова работать.

Его голова склоняется набок. Щёки алеют, дыхание учащается.

Но при этом он не отказывает сразу... Вижу, что размыш-

ляет как бы сделать лучше.

– Ты рискуешь... – начинает снова.

– Пожалуйста, – обрываю. – Андрей.

Хватаюсь за его правую руку в порыве, он тут же мягко отодвигается. Неловко потираю ладони друг об друга, по телу озноб.

Черт.

Ему не приятны мои прикосновения...

– Хорошо, – вдруг произносит Адриан, моё лицо ежесекундно озаряется улыбкой. – Но определим сразу: никаких поездок без Степана, никаких новых знакомств и попыток попасть на массовые мероприятия, Вера.

– Не переживай. Клянусь так всё и будет.

Вдыхаю воздух полной грудью, ощущая в душе радость от скорой встречи с телецентром. Потом прошу отвести меня к родителям, которых не видела две недели. Соседка периодически проверяла и отчитывалась мне, надо бы отблагодарить.

– И ещё... – Адриан потирает шею сзади и коротко на меня смотрит.

Останавливается на светофоре перед поворотом.

– Что? – нетерпеливо спрашиваю.

– Тот человек, с которым ты ужинала недавно...

Нахмуриваюсь вспоминая.

– Ты про Марсея? – недоуменно приподнимаю брови.

– А был ещё кто-то? – усмехается Адриан.

У меня слишком прекрасное настроение, чтобы на это реагировать.

– Марсель – это мой новый оператор.

– Вы с ним встречаетесь?.. – перебивает.

Словно в солнечное сплетение бьёт сочетанием смысла сказанных слов и равнодушного тона.

Вдруг хочется тоже сделать ему больно. Морально, физически, совершенно неважно. Хочу, чтобы тоже чувствовал эту мясорубку внутри. Когда душит так, что жить не можешь.

– Так встречаетесь?

– А если да? – вспыхиваю. – Мне разрешение у тебя спросить?..

В салоне автомобиля повисает тишина.

Макрис не поворачивается, его лицо не выдает ни одной эмоции и даже индикаторы – костяшки на пальцах, остаются неизменного цвета. Предатели.

– Нет, моего разрешения не нужно, – отвечает он, поглядывая. В глазах полнейший штить прямо пропорциональный шторму в моей груди. – Достаточно взять разрешение у лечащего врача, Вера. Я только об этом.

– Не переживай, так и сделаю, – держу лицо.

– Будь так добра...

От обиды в сердце всё в мелкие осколки рассыпается.

Не знаю, что задевает больше.

То, что он свято верит, что будучи беременной я хочу

строить с кем бы то ни было отношения, или эта сумасшедшая, опоясывающая тело боль от холодного безразличия Адриана.

Зная какой он собственник, понимаю – между нами действительно всё кончено. Он принял это решение и обратной дороги нет.

Свои чувства, свой огонь Адриан Макрис из-за одной моей ошибки безжалостно, не задумываясь, потушил, а я до сих пор стою с огнетушителем и медлю. Даю шанс...

Зачем?..

– Единственная просьба, – произносит он, останавливаясь у дома моих родителей. – Информация распространяется быстро. Думаю, от кого ребенок ни для кого не секрет. Сохрани свои новые отношения в тайне. По крайней мере, до родов.

– Я так и планировала, Андрей, – чеканю, хватая сумку. – Тебе не о чем переживать. Чемодан заберу из телецентра.

– Сейчас подъедет Степан. Он отвезет тебя, когда это будет удобно. Вещи оставляю с ним.

– Отлично. Спасибо.

Ненавижу!

Приоткрывая дверь, не сдерживаюсь:

– Кстати, хотела тебя спросить. А это правило, что отношения нельзя афишировать... Оно будет касаться только меня? Или отец будущего ребенка, может спокойно открыто встречаться с другими?

Адриан усмехается, заинтересованно кружит глазами по моему лицу. В один момент фокусируется на губах, а затем резко отводит взгляд в сторону и с оглушительным треском отправляет свой телефон на переднюю панель.

– Ничего такого ты не услышишь. Вера. Не услышишь. Нет проблем.

– Нет. Проблем, – повторяю, смотря перед собой и со злостью дыша, словно разъяренная тигрица, затем аккуратно выбираюсь на улицу и цежу сквозь зубы. – Да пошел ты, чертов извращенец! Можешь перетрахать весь телецентр...

Замечаю разъезжающиеся в улыбке губы, но уже оглушительно хлопаю дверью, и развернувшись на подошве ботинок, пытаюсь не бежать.

Внутри целое болото ненависти и отчаяния клокочет.

Нет проблем, Адриан...

Конечно!

Ты ублюдок и обманщик!.. А больше у меня проблем действительно нет...

Глава 17

– Вера, главный меня убьёт.

– Вот ещё, – обмахиваюсь карточкой с моим изображением и морщусь. – Вздор! Никто вас и пальцем не тронет. Клянусь!

Пусть только попробует. Я... не знаю, что сделаю.

Марсель с ассистентами расставляют камеры и свет, несколько гримеров трудятся над лицами гостей. Всё потому, что мне срочно понадобилась пересъёмка.

М-да, расслабились они с Вознесенским, ничего не скажешь... Третью неделю никак настроиться на работу не могут. Передвигаются как сонные мухи и постоянно отвечают в стиле «и так сойдёт». Для моего врожденного перфекционизма это прям беда, но я стараюсь быть вежливой.

– Можно побыстрее шевелиться, тогда все уложатся в отведенный нашим Святейшеством срок.

– Ве-ра, умоляю, – нахмуривается Ира. – Здесь даже у стен есть уши.

– А что я такого сказала?..

Этот самодур, Макрис, слышал от меня словечки и позабористей. Правда, соглашусь, что в присутствии его подчиненных нужно последить за формулировками.

Свободно откидываюсь на спинку кресла и опускаю взгляд на чуть выступающий из-за драпировки на платье жи-

вот. Чувствую себя Светкой. Это наша с Яной раскабаневшая после вторых родов бывшая подруга. У неё такая задница, что можно сразу два места в театре выкупать.

А я так не хочу.

Поэтому с этой недели вплотную занялась своим питанием. Каждое утро раскладываю по контейнерам нарезанные морковь, огурцы и яблоки. А ещё заказываю обед или, если время есть, прогуливаюсь до чудесного ресторана на набережной. Как правило, беру красную рыбу или кусок нежирного мяса. На гарнир – овощи на пару. Никаких тортиков, конфет или мороженого, к которому я всегда была равнодушна, а сейчас за вафельный стаканчик с крем-брюле убила бы, ей-богу.

– Это ж надо. Всей съёмочной группе запретили работать дольше часа без перерыва, чтобы Вера Михайловна отдыхала, – нудит Ира над ухом. – Каждый час необходимо проветривать студию и предлагать будущей матери греческого наследника воду.

Закатываю глаза.

Это в стиле Макриса. Указывать, даже когда я должна захотеть попить. Ладно хоть график похода в туалет на доску объявлений не разместили.

Я-то привыкла, а вот всем остальным подобная придурь в новинку.

– Может, Вер, ты после того, как родишь ещё раз от него забеременеешь? – громко отпускает второй режиссёр оче-

редную бестактность. – А то я сейчас привыкну к таким частым перерывам, а потом сложно будет...

– А может и не придется снова отвыкать, Борь, – приподнимаю брови и закидываю ногу на ногу. Тут же вспоминаю, что беременным так сидеть нежелательно, поэтому сбрасываю обратно. – Ты много говоришь, мой хороший, я слышала в рекламный отдел нужен промоутер на листовки. Отдадим тебя туда, на перевоспитание?..

– Вер...

– Борь, – жестикулирую, чтобы замолчал и внимательно рассматриваю записи в карточках.

Споры в студии у нас в последнее время уж слишком жаркие. На носу выборы нового мэра и депутатов в городскую думу. Предприниматели почувствовали смену власти, каждый пытается продвинуть своего выдвиженца и опорочить конкурентов. Отстаивать нейтралитет и политику нынешнего мэра становится всё сложнее, но пока мне хватает на это природного чутья, деликатности и женского обаяния. Может, и не сильно пока растолстела?..

– Давайте всё же отдохнем, – волнуется Ира.

– Успокойся. Никто не узнает.

– Твой охранник обязательно разболтает. Этот мужлан...

– Стёпа, – усмехаюсь. – Он на самом деле очень милый, Ир.

– Только с тобой, – сквозь зубы цедит редактор, зло зыркая на посматривающего в нашу сторону охранника. – У него

все мозги в мускулы ушли.

– Судя по тому, как ты на него смотришь, Ира, даже если бы Стёпины мозги были размером с мозги кашалота, они бы интересовали тебя в последнюю очередь.

– Скажешь тоже, – её лицо краснеет. – Извращенка.

Деловито поправляю лацканы пиджака и склоняюсь к ней поближе, шепча:

– Пригласи его на ужин или хочешь... я приглашу?

– Ой, а ты можешь, Вер? – мой редактор закусывает губу и смущенно улыбается.

В свои тридцать два становится девчонкой совсем. Вдыхаю и накрываю ладонью её локоть.

– Конечно, могу. Стёпа хороший. Правда. Ему просто нужны хорошие руки... и, желательно, ноги.

– Ве-ра, – смеется Ира.

– Я всё устрою, – подмигиваю и немедленно перестаю улыбаться. – Так. Мы будем сегодня работать или все пойдем с Борей листовки возле телецентра раздавать?

– Всё готово, – хмуро отзывается Марсель. – Не ругайся, Вер. Ребят, поехали...

Разминая затекшую шею, выбираюсь из студии уже после обеда. Морщусь, рассматривая легкие балетки на тонкой, картонной подошве. Ну кто придумал настолько уродливую обувь? Что в ней прекрасного? Что она может подчеркнуть в женской красоте?..

В кабинете натягиваю на ноги свои любимые высокие сапоги на низкой платформе и захватываю с вешалки серое пальто. Стёпа отпросился скататься по делам, а я так проголодалась, что решила прогулться до того ресторана.

– Стоянова, – слышу громкий возглас сзади, когда медленно двигаюсь по коридору к выходу.

– Чего тебе, Вознесенский? – разворачиваюсь, завязывая потуже пояс на пальто.

– Ты как? Ещё не родила?

– Ты узнаешь первый, Артём.

– Дай-то бог, – он зло скалится и дышит на меня вчерашним перегаром. – Жду, когда отмечу твой декрет своим появлением на экранах.

– Мне кажется, ты сопьешься раньше, – замечаю едко. Черт. Не хотела так грубо, но уже вырвалось.

Артемиий делает широкий шаг вперед, заставляя меня сдвинуться. И ещё один.

Смотрит на меня бешено, наступает. В глазах – пьяное бешенство.

Вжимаюсь в стену, в очередной раз ругая себя. Дернул меня черт снова зацепить его. Когда уже мозги появятся за двоих думать?..

– Какая же ты су...

Вздрагиваем оба, услышав грозный голос позади Вознесенского:

– Что здесь происходит?

Выглядываю из-за плеча Артемия, и с облегчением замечаю Адриана. Он, разместив руки в карманах брюк, кивает мне и строго спрашивает у моего коллеги:

– Вы, кажется, работаете у нас выездным корреспондентом?

– Да, – озирается Артём потерянно. – Выездным корреспондентом.

– Так выезжайте, какие-то проблемы с этим? – усмехается Макрис. Вижу, что злится.

– И точно. Чего это я?

Невозмутимо поправляю пальто и размещаю сумку на плече. Думаю о том, не испортился ли наложенный грим, и не сильно ли я отекла за прошедшую половину дня.

– Привет, – внимательно разглядывает моё лицо Адриан и незаметно мажет глазами по животу. – Как дела?

– Как обычно, – пожимаю плечами и посматриваю на скрывающуюся за углом спину Вознесенского. – Спасибо.

– Не за что.

Снова сталкиваемся взглядами. Я отвожу свой первый. Чувствуя себя неловко, складываю руки на груди и мило улыбаюсь девочкам из бухгалтерии, которые проходят мимо и с интересом нас рассматривают. Весь телецентр – один большой лототрон со сплетнями о наших взаимоотношениях с мужчиной напротив. Вот только все не в курсе, что мы больше двух недель практически не виделись. Оба работали и старались избегать конфликтов.

– Хорошо выглядишь, – произносит Адриан. Слишком вежливо для Макриса. – Цвет лица выровнялся, щеки румянятся.

– Можешь прямо сказать, что я жирею на глазах и скоро не влезу ни в одно кресло в студии, – усмехаюсь и, сжав ремень от сумочки на плече, отправляюсь по коридору к выходу. Даю Адриану право самому решить, пойдет ли следом. Он принимает положительное решение. – Ты мой непосредственный руководитель и собственник холдинга, я переживу критику.

Позвоночник, поясница и ягодицы подгорают до такой степени, что в строгом пальто становится жарко.

– Как руководителю, мне не за что тебя критиковать, Вера. Всё прекрасно, – слышу голос, прилетающий в спину.

Чуть улыбаюсь, потому что приятно, черт возьми. Разворачиваюсь и взмахиваю руками:

– Принято, Адриан Константинович...

– Ты на обед? – спрашивает он, подцепляя меня под локоть и отодвигая от прохода, по которому гурьбой пролетает очередная порция людей для массовки.

– Да, – сосредотачиваюсь на гладко выбритом сегодня лице. – Надо перекусить.

– Можно составить тебе компанию? Есть разговор, Вера...

*

Разведем Макриса на стейк? Или не будем портить бере-

менной аппетит?..

Глава 18

– Можешь и составить компанию, Адриан, – отвечаю с легкостью, переминаясь с ноги на ногу. – Только если сможешь отказаться при мне от десерта...

Адриан чуть улыбается, как и я.

Мимолетом снова касается взглядом моего живота, носок сапог, возвращается к лицу. В теплых глазах загорается огонек, так похожий на тот, что я видела в прошлом. Моё сердце болезненно бьётся в ребра. Как рыба об лёд.

Черт.

Может, не стоило соглашаться?..

Склонив голову, Макрис протяжно отвечает:

– Попробую... продержаться. Без сладкого.

Закатываю глаза. Кивая на его белоснежную рубашку, холодно проговариваю:

– В таком случае подожду тебя возле телецентра, пока ты оденешься.

Развернувшись, быстро шагаю в сторону выхода.

Если он думает, что я буду после всего что с нами произошло, стоять и флиртовать с ним, он сильно ошибается.

Пусть флиртует со своей Эрикой. И сладкое с ней же ест.

Выйдя на улицу, блаженно прикрываю глаза и дышу свежим, весенним воздухом. Ветер играет с моими волосами, выбивая из головы все сомнения и отрицательные мысли.

– Ве-ра, – слышу над собой. – Вот так счастье. Как я рад!

Поморщившись, что помешали, встречаю на себе взгляд Феликса Умарова, наполненный искренней радостью, и принимаю крепкие объятия. От него, как всегда, отлично пахнет. В выборе парфюма ему, пожалуй, нет равных. Это неизменно изысканные мужские ароматы с древесными нотками.

– Привет, Феликс, — дружелюбно похлопываю его по спине.

Он отдаляется и снижает глаза к поясу моего пальто.

– Видел тебя в рекламе клиники женского здоровья. Поздравляю, Вер, – тепло улыбается Умаров. – Удивлен, расстроен, но за тебя рад!

– Спасибо! Ты вгоняешь меня в краску...

Батюшка так расстарался с этими рекламными контрактами, что уже весь город знает. Это порой раздражает.

– Ни капельки не изменилась, всё такая же красавица, – он восхищенно добавляет.

Смеюсь, убирая руки в карманы.

Приятно. Феликс никогда за мной не ухаживал, мы даже не ходили на свидания, но мужской интерес от него чувствуется каждый раз, как мы встречаемся. И только сейчас этот интерес стал каким-то пассивно-агрессивным. Повзрослел он, что ли?..

– Ты просто давно меня не видел, – оправдываюсь. – И на мне профессиональный грим. Я очень изменилась. Но надеюсь, после родов быстро вернусь в форму.

– Надо срочно исправлять наши редкие встречи, может пообедаем, Вера Стоянова?..

Нахмуриваюсь.

Тот случай, когда дошутилась. Заводить отношения и принимать ухаживания сейчас – не лучшая идея. Чувствую, что это как-то неправильно. Не из-за Адриана, на него мне абсолютно все равно.

Дело в ребенке.

– Ты все еще любишь французскую кухню? – настаивает Феликс, склонив голову и снова приобнимая.

Чуть ближе, чем того требуют правила приличия.

– Французскую кухню она никогда не любила, – слышу за спиной грубый бас и облегченно вздыхаю.

– Адриан, – с лица Феликса сходит улыбка, он вдруг становится по-деловому серьезным. Руки тут же убирает. – Приветствую.

Мужчины обмениваются рукопожатиями. Мои щеки заливаются жаром.

– Что ты здесь делаешь? – хмуро спрашивает Макрис у Умарова.

Округляю глаза, потому что тон звучит ох как недружелюбно.

– Заехал к твоему секретарю, – словно не замечая грубости, продолжает Феликс. Запахивает деловое пальто. – За бумагами.

Макрис кивает. Подхватывает мою ладонь, и властно за-

жав её, без прощаний тянет меня в сторону набережной.

– Пока, Фель, – успеваю выговорить, проверяю сумку на плече и шиплю Адриану. – Да куда ты меня тащишь?

– Больше с ним не говори, – произносит он. – И никаких встреч, Вера.

Вспыхиваю.

Боже, он что ревнует?.. Вопреки здравому смыслу на лице расстилается улыбка. По-новому рассматриваю мужчину слева.

– Как ты мне запретишь интересно, господин Макрис? – усмехаюсь.

– Мы с тобой договаривались, – сверкает он глазами. – Я говорю – ты слушаешься. Или когда дело касается не твоих условий в сделке, ты по привычке о них забываешь, как о чем-то неважном?

Укор в его голосе воспринимается мной совершенно безболезненно.

– Нет, это неправда. Я и не собиралась встречаться с Феликсом.

Вырываю ладонь и на всякий случай захватываю её второй рукой на груди, складывая в замок.

Он не испортит мне настроение. Я отлично сегодня поработала и хочу есть. У меня скоро будет ребенок. Маму наконец-то принимают в Областной неврологический центр. Осталось сдать несколько анализов и пройти нужных специалистов.

Жизнь налаживается. А Макрис пусть ревнует дальше. И строит из себя равнодушного святого!

– Добрый день, – здоровается администратор. – Вы планируете отдыхать вдвоем?

– Да, – отвечает Адриан.

Мы раздеваемся в гардеробе, и нас проводят за просторный столик у большого панорамного окна. Белая рубашка Адриана при ярком дневном свете смотрится торжественно, а моё лицо наверняка нелепо, потому что грим предназначен для студийных софитов.

Стараюсь не переживать по этому поводу. Между нами все кончено, напоминаю себе.

– Я буду рыбу. Как обычно. – Приветливо киваю официанту Илье, устраиваясь на мягком диване. – Лосось на гриле, без соусов, пожалуйста. На гарнир свежие овощи с оливковым маслом.

– Напитки? – уточняет официант.

– Да. Чай гречишный.

– Для вас? – обращается к Макрису.

– Мне говяжий стейк с жареным картофелем, – произносит Адриан, тоже не заглядывая в меню.

Подозреваю, он здесь часто бывает, но мы ни разу не стали кивались. Значит, его время – вечером.

Макрис прищуривается, размножая мелкие, едва заметные морщинки в уголках глаз. Они особенно сейчас видны, как и крохотные шрамы, совершенно его не портящие.

Что же случилось тогда?..

Интересно, я когда-нибудь узнаю?

– И десерты, – с ленцой добавляет Адриан. – Пожалуй, все, что есть в меню. По порции. Пить буду кофе. Американо двойной без сахара.

Официант уходит, а я невозмутимо поправляю волосы.

– И почему я снова думала, что ты послушаешься? – задираю подбородок.

– Степан сказал, что ты каждый день возишь за собой набор для кроликов – морковь, огурцы. Только капусты не хватает.

– Не люблю капусту, – произношу смеясь. – С детства. Девчонки в школе говорили, что от неё грудь растет, а у меня никогда с этим проблем не было.

Вдруг краснею. Постукивая пальцами по столу, Адриан разглядывает мою увеличившуюся грудь, слава богу, прикрытую целомудренным вырезом на платье.

– Это точно. С этим проблем нет.

– Ладно, – стараюсь не обращать внимания на подхрипловатый голос. – Так уж и быть, Андрей. Выберу один десерт и попробую.

– Это правильно, – его тон звучит так ласково, что в горле внутренний катарсис случается.

Тяжело вздыхаю.

Сложно сохранять в душе ненависть к человеку, которого много лет любила.

Вообще, всё это не про меня. Однажды мне запомнилась фраза Бернарда Шоу о том, что «ненависть – это месть труса за испытанный им страх». Так вот. Трусихой я никогда не была. Поэтому, наблюдая, как Илья застилает белую скатерть льняными салфетками и меняет приборы, спокойно интересуюсь:

– Так, о чем ты хотел поговорить, Адриан?

– Это был просто предлог. Хотел обсудить беременность, – произносит он, потирая подбородок. – Опасность миновала?

– Не знаю. Правда, не знаю. Чувствую себя гораздо лучше, живот не схватывает, да и успокоилась. Работа действительно помогла мне отвлечься. Ещё раз спасибо, что вернул меня в строй.

Адриан вежливо кивает Илье, принимая чашку с кофе.

– К врачу я записана на конец недели, – докладываю дальше. – И у меня... просьба.

– Говори. – Он приподнимает брови.

– Я хотела бы вернуться в свою клинику и наблюдаться там. У своего врача.

– Почему? В «Афине» что-то не нравится?

Посматривая в окно, думаю, как бы вежливо рассказать ему, что София Андреевна общается со мной свысока. Так, будто она гинеколог в женской консультации, а я нерадивая, забеременевшая непонятно от кого школьница. От такого сервиса я, мягко говоря, отвыкла, да и не вижу смысла тер-

петь.

Кроме того, гречанка во время приёма слишком негативно описывала результаты УЗИ. Артур Ашотович, мой прежний врач, которому я отправила заключение, сказал, что ничего криминального в нём нет. Надо просто быть аккуратнее.

– Скажу честно. Хочу вернуться туда, где мне комфортно, – пожимаю плечами и со слабой просьбой в голосе добавляю. – Пожалуйста.

Потираю пальцами начищенные до блеска столовые приборы.

– Без проблем, – отвечает Адриан, и я наконец-то выдыхаю.

Попросить оказалось гораздо легче, чем требовать. Снова откуда-то поднимается рваная злость – почему я вообще должна с ним советоваться?..

Потому что он отец твоего ребенка, – отвечает внутренний голос.

– Главное, позаботься о нашем сыне, Вера, – произносит, будто прощаясь.

– Или дочери, – упрямо добавляю.

Поджимаю губы и молча орудую вилкой. Рыба сегодня кажется пересушенной, поэтому в конце ужина с удовольствием сметаю медовик и половину порции мороженого.

Когда выбираемся из ресторана, окончательно расслабляюсь.

– Хо-ро-шо, – вздыхаю, запрокинув голову.

Небо кажется безоблачным и ясным. Таким же, как моя душа в данный момент.

– Рад, что ты подобрела, – хрипит Адриан. – Всего-то пара десертов. Буду пользоваться этим рецептом и дальше.

С укором на него смотря, просовываю руку под предложенный мне локоть.

– Не нужно делать из меня монстра...

– Да как можно? – снова усмехается он. – Ты, кстати, в офис?

– Пожалуй, поеду домой, – легкомысленно заявляю. – Съёмки на сегодня закончены. Слишком много углеводов, чувствуется усталость.

– Конечно, поезжай, Вера, – одобрительно произносит Адриан. – Отдохни как следует. Ты и так много работаешь. Ещё выборы эти не к месту, все как сдурели.

Он кивает на припаркованную через дорогу машину Степана. Улица небольшая, но парковочные места сплошь заняты с двух сторон, поэтому мой водитель остановился прямо на проезжей части, заняв встречную полосу.

– Пойдем, я тебя провожу.

Двигаясь не спеша, мы выходим на пешеходный переход. Вспомнив о том, что даже не поблагодарила Адриана за обед, поворачиваюсь к нему и вижу, как в нашу сторону несется черный автомобиль.

– Андрей, – вскрикиваю.

Ничего не соображая, как-то оказываюсь на противо-

положной стороне дороги, которую перекрыта Степаном. Несколько секунд пытаюсь устоять на ногах. Роняю сумку. Когда опасность минует, разворачиваюсь.

Треск шин, какие-то глухие звуки. Отчетливый хлопок.

Дальше, как в замедленной съемке. Как в самом страшном кино, которое, всегда кажется, с кем-с кем, а с тобой точно не случится...

Прикрыв рот, истошно кричу. В горле сохнет.

Замираю от ужаса, наблюдая, как Степан выскакивает из машины и, взявшись за голову, бежит к неподвижному телу Адриана. К телу, под которым на холодном асфальте с каждой секундой увеличивается темная, кровавая лужа.

Боже.

Нет.

Пожалуйста.

Потираю ушибленную шею, только сейчас понимая, что острая боль в ней – результат того, что Макрис только что, безжалостно вытолкнул меня и нашего ребенка из-под колес несущегося автомобиля.

Главное, позаботься о нашем сыне, Вера...

Глава 19

– Куда мы едем? – тихо спрашиваю Степана.
Звук поворотника раздражает. Те

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.